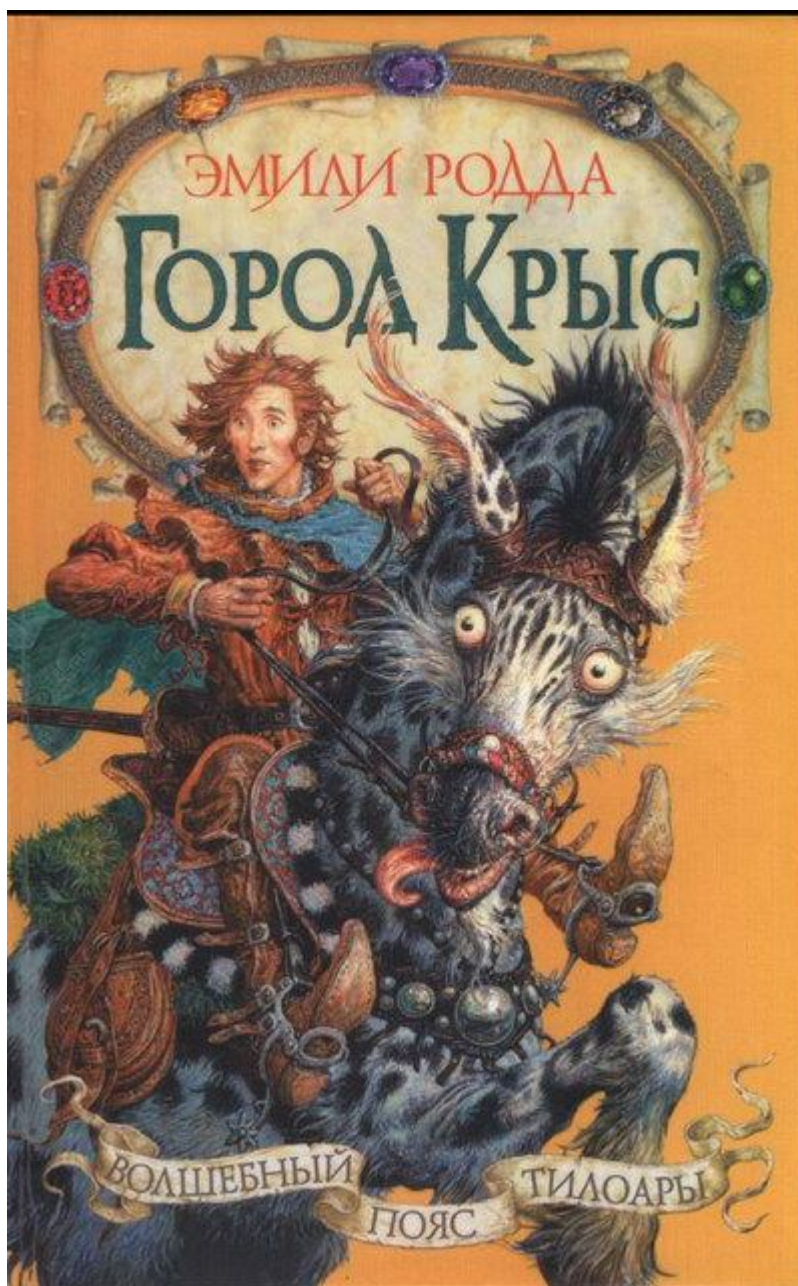

**Эмили Родда
Зыбучие пески**

Волшебный пояс Тилоары – 4

- Lord Kiron. OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>
«Эмили Родда "Город Крыс"»: Азбука-классика; СПб.; 2006
ISBN 5-352-01639-0

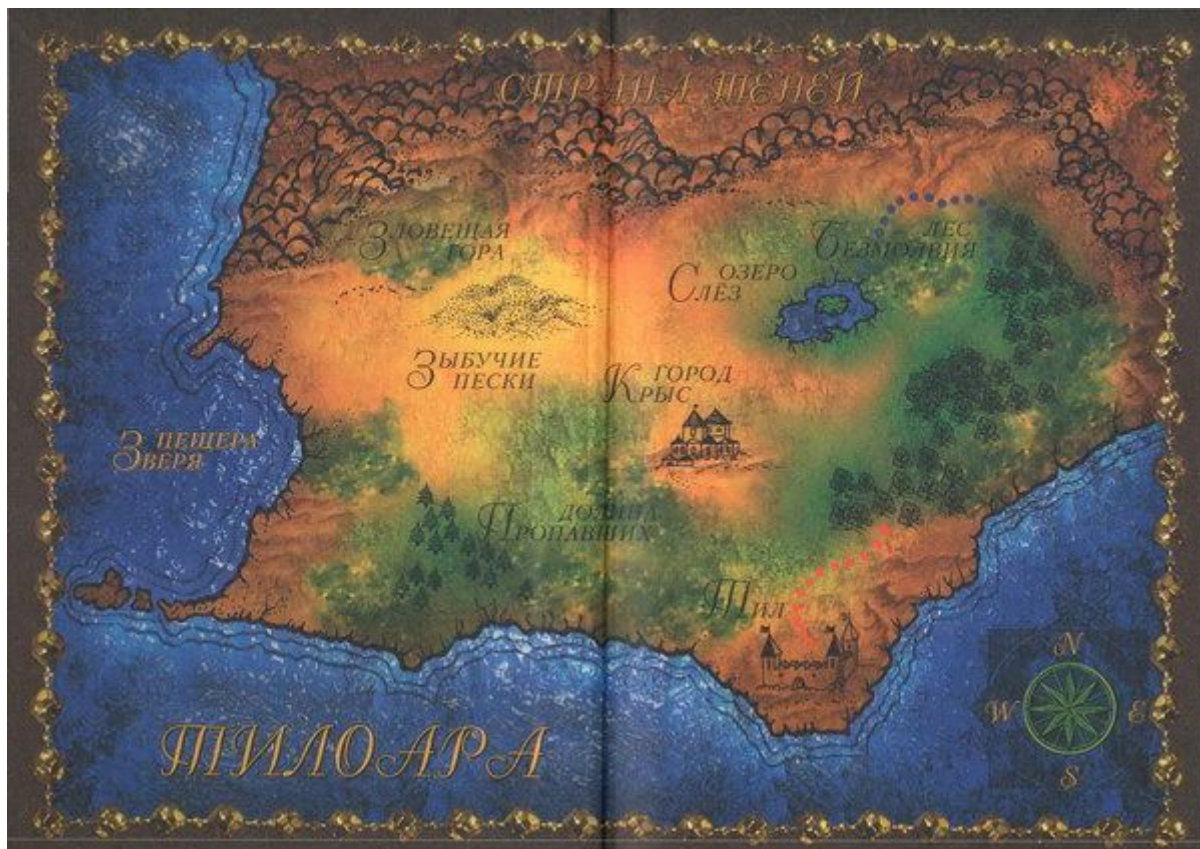
Аннотация

Сын кузнеца шестнадцатилетний Лиф, бывший дворцовый стражник Барда и девушка-дикарка Жасмин из леса Безмолвия очень разные, но их объединяет страстное желание освободить свою землю от гнета Повелителя Теней. Для этого они должны разыскать семь камней волшебного Пояса Тилоары.

Золотой топаз и великий рубин уже найдены. Волшебство этих двух камней придает путникам силы продолжить свою благородную миссию. Они не знают, какие ужасы таятся

в городе Крыс, где спрятан третий камень; они не ведают, как опасен хранитель четвертого камня, ждущий их в Зыбучих песках. Другим известно одно — отступить нельзя, свобода Тилоары зависит только от них одних.

**Эмили Родда
«Зыбучие пески»**

ЗЫБУЧИЕ ПЕСКИ

1

Новая опасность

Лифу казалось, что они идут вдоль реки уже целую вечность. Однако с тех пор, как он, Барда и Жасмин покинули горящий город Крыс, минула всего одна ночь. Легкий запах дыма все еще стоял в неподвижном воздухе, хотя город остался далеко позади.

Они давно сняли мерзкую красную одежду и тяжелые сапоги, которые защитили их от крыс. Идти стало легче. Но из-за голода и усталости путь казался бесконечным. Однообразие пейзажа угнетало. Час за часом друзья плелись по голой, выжженной земле вдоль Широкой реки, противоположный берег которой едва виднелся.

Хотя им и был необходим отдых, путники понимали, что нужно идти дальше. Столб черного дыма мог привлечь внимание врагов. Он оповещал, что там, где хранился один из камней Тилоары, что-то случилось. Если Повелитель Теней узнает, что камень украден, он начнет искать воров.

А в голой пустыне найти их будет несложно.

Барда брел рядом с Лифом, понуро повесив голову. Жасмин была впереди. Иногда она что-то шептала Филли и пристально всматривалась в небо. Девочка ждала Кри, своего ворона. На рассвете он улетел, чтобы осмотреть окрестности и найти какую-нибудь еду.

Его не было уже много часов. И это не предвещало ничего хорошего — значит, нигде поблизости нет ни еды, ни укрытия. Но нужно продолжать идти, причем только в одном направлении, потому что долина Крыс лежала в излучине реки и была с трех сторон

окружена водой.

«Веками крысы гнездились, словно в ловушке, в своей долине, — мрачно подумал Лиф. — А теперь мы и сами в западне».

Вдруг Жасмин пронзительно крикнула. В ответ раздалось отдаленное хриплое карканье.

Лиф посмотрел на небо и увидел приближающуюся к ним черную точку. Подлетевший Кри устало опустил на плечо хозяйки и что-то прокаркал. Жасмин внимательно слушала, склонив голову. Потом она повернулась к Лифу и Барде.

— Кри говорит, что долина заканчивается полосой воды, которая почти такая же широкая, как река.

— Что?! — Не веря своим ушам, Лиф устало опустил на землю.

— Это остров? — С тяжелым вздохом Барда плюхнулся рядом с Лифом. — Быть не может!

Кри почистил клювом перья и недовольно каркнул.

— Он видел все своими глазами, — сказала Жасмин. — Эта полоса воды соединяет два рукава реки. Она очень широкая, но, может быть, не настолько глубокая, и нам удастся перейти ее вброд. Вода в этом месте не такая темная, как в реке. И еще Кри видел там рыбу.

— Рыба! — У Лифа потекли слюнки при мысли о еде.

— Это далеко? — спросил Барда.

Жасмин пожала плечами.

— Кри думает, мы можем дойти к завтрашнему дню, если будем идти всю ночь.

— Тогда пошли, — простонал Барда, подымаясь на ноги. — По крайней мере, в темноте нас не так легко заметить. Да и еды нет. И спать все равно не на чем. Так что нет смысла делать привал. Будем идти, пока не свалимся.

В бледном свете наступающего дня друзья увидели широкую полосу воды.

— Это не река, — заметил Лиф. — Берега слишком ровные.

— Канал прокопали люди, — согласился Барда. — Чтобы защитить себя от крыс. Наверное, уже очень давно.

Кри пролетел над ними и что-то каркнул.

— На другой стороне есть деревья и трава, — перевела Жасмин.

Без колебаний она ступила в воду, жадно глядя на зеленую полосу на противоположном берегу.

— Жасмин, осторожно! — крикнул ей вслед Лиф.

Но девочка даже не оглянулась. Вода дошла ей до пояса, потом до груди, но выше не поднялась. Жасмин уверенно шагала по дну канала.

Спрыгнув в холодный поток, Барда и Лиф последовали за ней.

— Когда мне надо было приглядывать за тобой в Тиле, Лиф, я думал, что ты самое отчаянное и бесшабашное создание на свете, — проворчал Барда. — Беру свои слова обратно, Жасмин еще хуже!

Лиф усмехнулся. Внезапно он подпрыгнул и вскрикнул, почувствовав, как что-то холодное и скользкое прикоснулось к его ноге. Лиф посмотрел вниз и увидел трех больших рыб, которые метнулись в разные стороны.

— Не бойся их, — сказала Жасмин, не оборачиваясь.

— А может, они такие же голодные, как я сам? — возразил Лиф.

Вдруг Кри громко каркнул, пролетел над самой водой и снова взмыл в небо.

Жасмин настороженно замерла, а потом повернула побледневшее лицо к Лифу и Барде.

— Там кто-то летит! — крикнула она. — Кри видел...

Каркая, черный ворон кружился вокруг хозяйки. Он явно был очень напуган.

— Кто? — Лиф пристально вглядывался в голубое небо, но ничего не мог разглядеть.

— Кто-то огромный и очень плохой! — Жасмин вытащила из-за пазухи Филли и протянула маленький пушистый комочек ворону. — Кри, возьми Филли! Спрячьтесь!

И тут Лиф наконец заметил на горизонте черное облачко, которое быстро увеличивалось. Через минуту уже можно было рассмотреть длинную шею и гигантские крылья.

— Ак-Баба! — прошептал Барда. — Он заметил дым.

У Лифа кровь застыла в жилах. Отец рассказывал ему об Ак-Бабах — огромных хищных птицах, которые живут тысячу лет. Семь из них служили Повелителю Теней. Именно они унесли камни из Тила и спрятали их в ужасные тайники.

Повинуясь Жасмин, Кри подхватил Филли и поспешил на противоположный берег канала. Там они могли спрятаться в высокой траве или на деревьях.

А вот Лифу, Барде и Жасмин скрыться было негде. За спиной простиралась пустыня. Перед ними — бесконечная водная гладь, блистающая в утренних лучах солнца.

Они сделали еще несколько шагов, понимая, что это ничего не изменит. Ак-Баба стремительно приближался. Он будет здесь гораздо быстрее, чем они успеют дойти до берега.

Нападет ли Ак-Баба? Или просто схватит их в когти и отнесет к своему хозяину? В любом случае они обречены.

Спрятаться можно только под водой. Но Лиф понимал, что это все равно не поможет. Ак-Баба увидит их с воздуха как на ладони, ведь Кри разглядел под водой стайки рыб.

— Он еще не заметил нас, — торопливо сказал Барда. — Наверное, смотрит на город. Лиф, твой плащ!

Конечно! Мокрыми пальцами мальчик развязал тесемки, стягивающие плащ вокруг шеи, и распустил его по течению.

— Под воду! — скомандовал Барда.

Друзья набрали полные легкие воздуха и погрузились в холодный поток, держа над собой плащ. В воде его было почти не видно.

Они сделали все, что могли. Но скроет ли их плащ от зорких глаз Ак-Бабы? Вот если бы были сумерки! При ярком солнечном свете птица заметит темноватое пятно на воде и будет кружить над ним, выжидая...

Надолго ли у них хватит дыхания? Рано или поздно им придется высунуться из воды и сделать вдох. И тогда чудовище нападет.

Лиф нащупал под рубахой пряжку Пояса Тилоары. Нельзя допустить, чтобы Пояс достался Повелителю Теней. Уж лучше пусть он лежит на дне канала, чем опять попадет в руки врага.

Лиф уже начинал задыхаться. Тело приказывало ему выпрямиться и сделать глубокий вдох. Вдруг что-то коснулось его плеча. Он открыл глаза и увидел больших серебристых рыб, которые теснили его, задевая хвостами.

Внезапно стемнело. Черная тень закрыла солнце.

Ак-Баба был прямо над ними.

2

Запретный плод

Лиф заставил себя не поддаваться панике. Тень Ак-Бабы сделала воду черной. Мальчик уже не мог рассмотреть рыб, но чувствовал их движение. Они плавали над плащом, не давая друзьям подняться к поверхности, заставляя их опускаться все глубже...

У Лифа кружилась голова. Грудь болела от недостатка воздуха. Он отчаянно толкнул плащ над головой, но рыбы не позволили ему подняться, они были словно плотный живой потолок, который невозможно пробить.

Лиф терял силы. Сознание покидало его.

Значит, это конец? После всего, что им пришлось пережить... Он увидел отца и мать, родной дом. Сейчас они, должно быть, завтракают. Может, вспоминают его и Барду...

«Они никогда не узнают, что с нами стало, — подумал Лиф. — Наши кости будут вечно покоиться на этом илистом дне, вместе с Поясом Тилоары».

Уже теряя сознание, он почувствовал сильные толчки снизу. Рыбы пытались поднять его на поверхность. А те, которые были над головой, уплыли в стороны.

Собрав все свои силы, Лиф заставил дрожащие ноги выпрямиться. Легкие делали глубокие судорожные вдохи.

Сначала он ничего не видел. Плащ все еще был над ним, облепляя голову. Сорвав его, он разглядел бледных как смерть Барду и Жасмин, которые тоже жадно глотали воздух.

Со страхом Лиф посмотрел в небо. Но Ак-Баба уже давно пролетел мимо, спеша к горящему городу.

— Он нас не заметил! — не веря своим глазам, прохрипел Лиф и закашлялся.

— Да, — улыбнулась Жасмин, сматывая мокрый плащ. — Посмотрев вниз, Ак-Баба заметил в воде только стаю рыб, которых видел уже много раз! — Она ласково провела ладонью по воде. — Какие же вы сообразительные, рыбки! Вы отлично нас спрятали.

Рыбы лениво плавали вокруг нее и пускали пузыри, по-видимому, очень довольные собой.

— Я думал, они хотят утопить нас, — сказал Барда. — А они, оказывается, скрывали нас от Ак-Бабы. Никогда не слышал, чтобы рыбы приходили на помощь!

— Это не просто рыбы, — заверила его Жасмин. — Они древние и мудрые. Им никогда не нравились крысы, которые превратили долину в пустыню. И Повелителя с его слугами они тоже не любят.

— Они сами сказали тебе это? — удивился Лиф.

Девочка пожала плечами.

— Говорю же, это не просто рыбы. Они бы и с тобой поговорили, если бы ты умел их слушать.

Лиф уставился на блестящие тени и сосредоточился, но услышал только шум воды и бульканье пузырьков.

— Я должен был бы сообразить, что мы не погибнем в этой реке. Опал показал мне, что я стою на Зыбучих песках. Если мне суждено умереть, то это случится там.

Жасмин и Барда пристально посмотрели на него.

— Опал показывает то, что будет, или то, что могло бы быть?

Лиф пожал плечами. Он не знал.

Кри позвал их с того берега.

— Надо идти дальше, — сказала Жасмин. — Ак-Баба может вернуться.

Добравшись до берега, друзья обернулись, чтобы поблагодарить рыб, которые провожали их.

— Вы спасли нам жизнь, — крикнула Жасмин. — Спасибо!

Рыбы булькнули что-то, развернулись и уплыли, взмахнув хвостами на прощание.

Кри опять поднялся в воздух и показал им дорогу к дереву, чьи пушистые зеленые ветки склонялись до самой земли.

Вокруг ствола оказалось свободное место, надежно укрытое густыми ветвями, словно маленькая зеленая комнатка. Там их уже ждал Филли. Радостно попискивая, он сразу запрыгнул на плечо к Жасмин.

Облегченно вздохнув, друзья сели на землю, устланную прошлогодними листьями.

— Мы в безопасности, — устало пробормотала Жасмин.

Через минуту они уже крепко спали.

Проснувшись, Лиф не увидел своих друзей. Над головой щебетали птицы. Было прохладно, сумрачно.

«Солнце садится, — подумал он. — Я проспал весь день. А где же Барда, Жасмин, Кри и Филли?»

Лиф осторожно раздвинул зеленую завесу ветвей и понял, что солнце не садится, а встает! Он проспал не только целый день, но еще и ночь.

Жасмин с Бардой как раз возвращались. Наверное, они уходили на поиски еды. Как он надеялся, что друзья появились не с пустыми руками! Лиф не выдержал и бросился им навстречу.

— Яблоки! — крикнул ему Барда. — Довольно неаппетитные с виду, но сладкие и необычайно сытные!

Он бросил Лифу яблоко, которое тот поймал и тут же жадно съел вместе с сердцевинкой.

— Правду говорят, что краденое всегда слаще, — усмехнулся Барда, кидая ему еще одно.

— Краденое? — с набитым ртом спросил Лиф.

— Там сад. — Барда кивнул в сторону, откуда они шли. — Жасмин решила полакомиться, не утруждая себя поисками хозяина, чтобы спросить позволения.

Жасмин недовольно затрясла головой:

— Эти деревья страдают под тяжестью яблок. Их давно надо было собрать. Видишь, какие они сморщенные? Кому они нужны?

— Лично я ничего не имею против таких яблок, — заверил ее Лиф. — Последний раз, когда я ел яблоко...

Он осекся, у него вдруг пересохло во рту. Последний раз он ел яблоки с друзьями в Тиле, когда праздновал свое шестнадцатилетие. В тот день Лиф попрощался с детством, с прежней жизнью, с родителями и домом. Как давно это было...

Жасмин с любопытством смотрела на него. Лиф понял, что у него слишком грустное выражение лица, и поспешил отвернуться. Жасмин жила в лесу Безмолвия одна, видела, как ее родителей забрали Серые Стражи, и преодолевала трудности с раннего детства. Его тоска по дому покажется ей детской слабостью.

Он опять впился зубами в яблоко и вдруг чуть не подпрыгнул от резкого крика:

— Воры!

Лиф прищурился. Через высокую траву к ним бежала разъяренная маленькая старушка. Она была такой толстой и так нелепо закутана в шаль, что казалась совсем круглой. Ее красное от гнева морщинистое лицо напоминало старое яблоко. Она потрясала кулаками и вопила:

— Воры! Бродяги! Верните мои яблоки!

Трое друзей смотрели на нее, открыв рты.

— Вы украли мое сокровище, пока мои стражи спали! Верните немедленно!

Жасмин молча протянула ей три оставшихся яблока. Старуха просияла и прижала их к груди.

— Жулики! Где еще шесть? — тут же закричала она. — Все яблоки пересчитаны. За каждое я отвечаю. Как мне теперь выплатить налог? Девять штук вы украли — девять должны вернуть!

Барда кашлянул.

— Мне очень жаль, госпожа, но, боюсь, это невозможно. Мы их уже съели.

— Съели?!

Старуха начала раздуваться от злости и так покраснела, что Лиф испугался, как бы она не лопнула.

— Примите наши извинения, — нерешительно начал он. — Мы были так голодны...

Старуха подняла руки, стряхнула с себя намотанную шаль и пронзительно крикнула.

В тот же миг вокруг нее образовалось темное жужжащее облако.

Пчелы. Тысячи пчел. Они прятались у нее под шалью, а теперь вылетели и кружились вокруг нее, ожидая приказа напасть на воров.

Дорога в Ритмер

Лиф, Барда и Жасмин медленно попятились. Угрожающее жужжание роя пчел напоминало рык большого животного.

— Думали, что некому меня защитить? — вопила взбешенная старуха. — Что можно безнаказанно красть из моего сада? Защитники у меня маленькие, но зато их много и у них общий разум! Вы умрете от тысяч укусов!

Жасмин торопливо искала что-то в своих карманах. Наконец она выудила горсть золотых и серебряных монет и протянула их женщине.

— Возьмите это за ваши яблоки!

Старуха подозрительно посмотрела на нее.

— Если у вас есть деньги, зачем красть? — спросила она и потянулась к деньгам.

— Нет! — крикнул Лиф, бросаясь наперерез. — Это все, что у нас есть. Вы не можете взять столько за несколько перезревших яблок!

Рой пчел подлетел к нему.

— Тихонько, мальчик, тихонько! — хихикнула старуха. — Успокойся! Мои стражи не любят резких движений, их очень легко разозлить. Даже мне приходится умирять их дымом, чтобы вынуть мед из улья. Даже мне.

Она отдала приказ, и пчелы скрылись у нее под шалью. Потом старуха упрятала деньги в глубокий карман и обратилась к путникам:

— Пусть это послужит вам уроком. И передайте всем остальным бродягам, что другим вора́м не будет пощады!

Лиф, Барда и Жасмин колебались.

— Убирайтесь! — Старуха погрозила им кулаком. — Возвращайтесь-ка на ту дорогу, по которой пришли.

— Мы пришли не по дороге, — не выдержала Жасмин. — И мы не воры!

Старуха задумалась.

— Если вы пришли не по дороге, то откуда же? В мой сад нет другого пути, кроме...

Резким движением она схватила край плаща Лифа и пощупала его. Он все еще был влажным. Старуха недоверчиво посмотрела на канал и на серый дым, который поднимался над долиной Крыс.

На ее морщинистом лице появился страх.

— Кто вы такие? — прошептала она. — Нет, не говорите! Просто уходите быстрее! Если вас увидят вместе со мной, то даже мои пчелы не защитят меня.

— Как нам найти дорогу? — спросил Лиф.

— Пройдите через сад, там есть калитка. Торопитесь! И никому не говорите, что вы здесь были. Забудьте обо мне.

— Можете на нас положиться, — заверил ее Барда. — Надеюсь, вы тоже забудете, что нас видели.

Она молча кивнула. Друзья повернулись и пошли к саду.

— Удачи! — крикнула старуха им вслед.

— Как мило с ее стороны пожелать нам удачи, — съязвила Жасмин. — Пару минут назад она хотела, чтобы нас до смерти искусали пчелы. И деньги не вернула!

Барда пожал плечами.

— Кто знает, что ей пришлось пережить? Может, у нее есть причины не доверять незнакомцам. Похоже, она тут совсем одна со своими пчелами.

— О каком налоге она говорила? — задумчиво спросил Лиф, когда они прошли через сад и оказались на петляющей, обрамленной деревьями дороге. — Ей что, надо вырастить определенное число яблок?

— Или что-то из них приготовить. — Барда кивнул на табличку на калитке, которую он закрывал за собой.

— Сидр Королевы Пчел высоко ценился у стражей и акробатов, когда я служил во дворце, — продолжал Барда. — Он придает силы. Значит, его делают здесь, а наша новая знакомая и есть Королева Пчел.

Лиф вздохнул.

— Жаль, что она не дала нам по стаканчику перед дальней дорогой.

Усталые и по-прежнему голодные, друзья медленно шли, тихо переговариваясь. Настроение было невеселое. Они знали, что их следующая цель — Зыбучие пески, но как до них добраться, не представляли.

Угнетала мысль о том, что у них нет ни еды, ни денег, ни одеял, ни рюкзаков. Все, что осталось, — это карта, которую нарисовал отец Лифа, оружие и драная одежда на плечах.

И Пояс Тилоары, напомнил себе Лиф. Но Пояс, даже с силой трех камней, не мог дать путникам ни еды, ни укрытия.

— Опал показывает будущее, — вспомнила Жасмин. — Он ведь может сказать, что нас ждет?

Но Лифу не хотелось прикасаться к камню. Его все еще преследовало страшное видение Зыбучих песков.

— Не обязательно знать будущее, чтобы понять, — нам нужна помощь, — возразил он. — Необходимо снаряжение и прибежище. Давайте думать пока только об этом.

Лиф ожидал от Жасмин возражений, но та молчала и к чему-то прислушивалась.

— Топот ног, скрип колесниц и голоса, — объявила она. — Там большая дорога.

И в самом деле, через несколько минут петляющая тропа вывела их на широкую и прямую дорогу. Путники опасливо осмотрелись. Справа приближалась телега. За ней шли несколько человек.

— Похоже, нам с ними по пути, — сказал Барда. — Выглядят они довольно безобидно. Но все же лучше пропустить их вперед. Не хотелось бы отвечать на расспросы, пока мы не отойдем подальше от города Крыс.

Друзья спрятались за деревьями и подождали повозку. Она оказалась старой и скрипучей.

Кляча, которая тянула ее, едва плелась. Но люди смеялись и разговаривали, как будто в мире все было чудесно.

Лиф услышал, что они несколько раз произнесли слово «Ритмер». Наверное, это город, куда все направлялись. У мальчика начало подниматься настроение.

— Похоже, там какой-то праздник или ярмарка, в этом Ритмере, — прошептал он.

— Праздник в такое время? — хмыкнул Барда. — Быть не может. В любом случае, если дорога проходит через Ритмер, то нам все равно в ту сторону, к Зыбучим пескам. Город — как раз то, что нам сейчас нужно, и чем оживленнее, тем лучше.

— Это еще почему? — спросила Жасмин, которой гораздо больше нравились безлюдные леса.

— В городе можно затеряться в толпе и заработать немного денег. Или выпросить.

— Выпросить?! — возмущенно воскликнул Лиф.

На губах Барды промелькнула горькая усмешка.

— Иногда ради высокой цели приходится забыть о гордости, — сказал он.

Лиф смущенно извинился. Как он мог забыть, что Барда много лет скрывался в Тиле под видом попрошайки?

Когда телега отъехала на достаточное расстояние, друзья вышли на дорогу и двинулись в ту же сторону. Не успели они сделать и нескольких шагов, как Лиф заметил на земле какую-то бумажку. Он поднял ее.

С радостно забившимся сердцем, Лиф показал объявление Барде и Жасмин.

— Вот и решение! Это наш шанс выиграть деньги, которые нам нужны, и даже больше! Мы будем участвовать в Играх. И победим!

4

Затеряться в толпе

Через несколько дней, когда друзья наконец увидели Ритмер, у Лифа поубавилось энтузиазма. Дорога оказалась долгой и утомительной, и он был очень голоден. Спутники питались только ягодами, которые изредка попадались на обочине. Те, кто прошли здесь раньше них, объели кусты почти дочиستا.

Чем ближе к городу, тем многолюднее становилось на дороге. Некоторые скитальцы были готовы к дальнему пути не лучше Лифа, Жасмин и Барды. Одежда лохмотьями болталась на них, и им тоже было нечего есть. Усталые и измученные голодом, они в отчаянии падали в дорожную пыль и не могли идти дальше.

Друзья упорно продолжали путь, часто останавливаясь на отдых. Они старались как можно меньше разговаривать с попутчиками, хотя в толпе чувствовали себя в большей безопасности.

Однако они прислушивались к чужим разговорам и вскоре узнали, что Игры проходят в Ритмере ежегодно вот уже десять лет. Слава о них распространялась все шире, и с каждым разом приходило все больше людей, надеясь получить приз. Серые Стражи редко бывали в городе во время Игр.

— Они не суют нос туда, где людям хорошо, — сказала высокая рыжеволосая женщина своему спутнику, великану с каменными мускулами, видными сквозь лохмотья его рубахи.

Тот кивнул:

— Тысяча золотых монет! Или хотя бы сотня. Только представь, как это изменит нашу

жизнь. — Он посмотрел на город вдали. — В этом году мы точно победим. Я чувствую это, Джоанна.

— Ты никогда не был так силен, Орвен, — подтвердила женщина. — И у меня тоже есть все шансы. В прошлом году я была недостаточно бдительна и позволила этой Брианне из Лиса перехитрить меня. Больше подобного не случится.

Орвен обнял ее за плечи.

— Не вини себя. В конце концов, она ведь стала чемпионом. Брианна — хороший боец. К тому же жители Лиса так готовили ее!

— Говорят, с ней обращались, как с королевой, — с горечью сказала Джоанна. — Дополнительная еда, никакой работы, только тренировки. Они думали, что Брианна станет спасением для Лиса. А она что сделала? Сбежала со всеми деньгами, как только заполучила их!

— Тысяча золотых — это целое состояние, — хмуро сказал Орвен. — Немногие чемпионы возвращаются домой. Они ни с кем не хотят делиться и уходят в другие края, чтобы начать новую жизнь.

— Но мы с тобой никогда бы так не поступили, — горячо возразила Джоанна. — Мы бы не оставили свой народ голодать, если бы могли помочь им. Лучше уж броситься в Зыбучие пески.

От последних слов Лиф похолодел и обернулся посмотреть, слышали ли Барда и Жасмин.

— То, что она упомянула Зыбучие пески, ничего не значит, Лиф, — успокоил его Барда. — Это для них то же самое, что лес Безмолвия для жителей Тила, — просто привычный страх. Сейчас важно решить, стоит ли нам терять время, соревнуясь с такими, как Орвен и Джоанна. При нашем теперешнем состоянии...

— Надо попытаться, — ответил Лиф, хотя у него было тяжело на сердце.

— Пока все равно нет смысла говорить об этом, — нетерпеливо перебила Жасмин. — Для начала нам нужно войти в город. И раздобыть еды, даже если нам придется ее украсть.

Ритмер кишел народом. Все свободные места были заставлены прилавками. Торговцы во весь голос расхваливали свой товар, но зорко за ним следили.

Шум стоял оглушительный. Музыканты, танцоры, пожиратели огня и жонглеры давали представления на каждом углу, подставив шляпы для подаяния. Некоторым помогали животные — змеи, собаки, танцующие медведи и странные создания, которых друзья никогда раньше не видели.

Из-за резких запахов, ярких цветов, толкотни Лиф, который и так едва держался на ногах от голода, чуть не потерял сознание. Лица людей расплывались у него перед глазами.

Повсюду, скорчившись, сидели попрошайки, протягивая тощие руки. Среди них были слепцы, калеки, некоторые просто умирали от голода. Почти никто не обращал на них внимания, перешагивая, как через кучки мусора.

— Эй, девочка! Ты, с черной птицей! Поди сюда!

Хриплый окрик раздался где-то совсем рядом. Толстый мужчина с длинными сальными волосами поманил к себе Жасмин. Все трое двинулись к нему сквозь толпу, недоумевая, что ему нужно. Он сидел за маленьким столиком, накрытым длинной красной скатертью. За его спиной у стены стояли два костыля. На столе располагался насест, корзина с деревянными раскрашенными игрушками и колесо, на котором были нарисованы птицы и монеты.

Похоже на какую-то игру, в которой легко обмануть простаков.

— Хочешь заработать денег, малютка? Жасмин, нахмурившись, молчала.

— Ей не на что играть, — ответил за нее Лиф. — Если только это ничего не стоит.

— На что бы я тогда жил, приятель? — расхохотался толстяк. — Серебряная монета за право один раз вращать колесо, вот моя цена. Но я не прошу ее играть. Сейчас это невозможно. У меня только что сдохла моя птичка. Видите? — Он поднял за ноги мертвого голубя и помахал им у них перед носом.

Жасмин смотрела на него с окаменевшим лицом. Кончики его губ поползли вниз.

— Грустно, не правда ли? — продолжал он. — Бедный мой Бики, бедный я! Мне нужна птица, чтобы вращать колесо. Это такая игра, понимаете? У меня дома есть еще два голубя, но если я пойду за ними, то потеряю полдня. А значит, и прибыль. Я не могу себе этого позволить! Вы, ребята, могли бы стать финалистами, если бы не падали с ног от голода, — с хитрым видом подметил он. — Я готов вам помочь.

Владелец колеса бросил мертвого голубя на землю под скатерть и ткнул толстым пальцем в Кри.

— Сколько вы за него хотите?

5

Победа и поражение

Жасмин покачала головой.

— Кри не продается, — твердо сказала она и повернулась, чтобы уйти.

Толстяк схватил ее за рукав.

— Не отказывай мне, девочка, — заныл он. — Не отказывай бедному Фердинанду, прошу тебя!

Кри, склонив голову, внимательно изучал его. Потом он прыгнул на стол и начал расхаживать туда-сюда, оглядывая его со всех сторон. Через некоторое время Кри громко каркнул.

Жасмин посмотрела на друзей, потом на Фердинанда.

— Кри спрашивает, сколько вы заплатите, если он некоторое время будет помогать вам?

Толстяк расхохотался.

— Он разговаривает с тобой, да? Такое не каждый день увидишь! — Он достал из кармана жестяную шкатулку и вынул из нее серебряную монету. — Скажи ему от меня, что он получит одну серебряную монету, если будет вращать колесо до заката. Идет?

Кри перелетел обратно на плечо Жасмин и каркнул. Девочка кивнула.

— За одну монету он повернет колесо тридцать раз. Если надо больше, вы заплатите еще.

— Это настоящий грабеж! — воскликнул Фердинанд.

— Это его цена, — спокойно ответила Жасмин.

Толстое лицо сморщилось, и он закрыл его руками.

— Жестокая девочка! Тебе не жаль бедного инвалида, которому нужно зарабатывать себе на хлеб. Я буду голодать, и мои птицы вместе со мной.

Он начал хныкать, вздрагивая всем телом.

Жасмин только пожала плечами и не произнесла ни слова. Лифу стало неловко.

— Это и правда довольно жестоко, Жасмин, — прошептал он ей на ухо. — Ты не могла бы...

— Он притворяется. Мог бы заплатить в десять раз больше. Кри говорит, у него на поясе кошелек, который лопается от денег. Нам его не видно из-за стола. Просто подожди.

И верно, через пару минут толстяк посмотрел между пальцев на Жасмин, понял, что его рыдания не производят на нее никакого впечатления, и перестал притворяться.

— Ну что ж, — сказал он совсем другим голосом, отнимая руки от лица. — Твоя птица знает цену деньгам. Я согласен. Сажай его на жердочку.

— Деньги вперед, — быстро вставил Барда.

Фердинанд бросил на него сердитый взгляд и, тяжело вздыхая, отдал Жасмин монету.

Кри, довольный, уселся на жердочку.

— А теперь посторонитесь, не мешайте игрокам!

Друзья отошли, но недалеко, чтобы видеть, что будет дальше. Они не доверяли Фердинанду. От запаха еды с соседней стойки у Лифа кружилась голова, но он знал, что они все равно ничего не купят, пока Кри в целости и сохранности не вернется к Жасмин.

— Подходите, подходите! — кричал толстяк. — Обмани птицу и выиграй! Одна серебряная монета за поворот колеса! Каждому игроку — приз!

Вокруг него собралось много людей, и он начал указывать на монеты, нарисованные на колесе.

— Два моих серебреника за одну вашу монетку! А может, три? Или четыре? Итак, дамы и господа, четыре за одну-единственную монету!

Люди шарили в карманах в поисках денег. Пухлая рука Фердинанда летала над колесом.

— Но зачем же останавливаться на четырех? Это ваш счастливый день! Вы можете выиграть пять, шесть или даже десять монет! — Он хватался за голову и выкатывал глаза. Голос возвысился до вопля: — Десять за одну! Приз каждому участнику! Зачем я это делаю? Я, наверно, сошел с ума!

Несколько человек уже протягивали ему деньги. Лиф беспокойно посмотрел на друзей.

— Давайте тоже попробуем поставить нашу монетку? Мы ведь можем выиграть в два или даже больше раз!

Барда снисходительно посмотрел на него.

— Скорее мы потеряем наш единственный серебреник и уйдем с бесполезной игрушечной птичкой, — сказал он. — Если колесо остановится не на монете, а на птице...

Но это не убедило Лифа. Кри крутанул колесо клювом. Женщина, поставившая деньги, напряженно следила за вращением круга и вдруг закричала от радости, когда он остановился на двух монетах.

— Она выиграла у птицы! — завопил Фердинанд, протягивая женщине ее выигрыш. — Ты разоришь меня! — Он погрозил кулаком Кри. — Работай лучше!

Толпа рассмеялась. Другой игрок дал ему монету. Кри снова повернул колесо. Этому повезло еще больше — он выиграл три серебреника.

— Что мне делать? — причитал Фердинанд. — Бездарная птица!

После этого он только успевал брать деньги, которые ему протягивали со всех сторон.

Людей собиралось все больше.

Кри вращал круг снова и снова. Но почему-то никому больше не везло. Все чаще колесо останавливалось на изображении птицы, и проигравший отходил, разочарованно сжимая в кулаке деревянную игрушку. Изредка выпадали денежные выигрыши, да и то это были, как правило, одна или две монеты, а иногда бонус — еще одна игра бесплатно.

Как только кто-нибудь что-нибудь выигрывал, Фердинанд поднимал невообразимый шум, поздравлял победителя, кричал, что он разорен, ругал Кри и боялся, что в следующий раз приз будет еще больше.

Однако горка серебреников в шкатулке все росла. Время от времени толстяк незаметно отсыпал монеты в свой мешочек на поясе. А поток людей, желающих попытать счастья, не иссякал.

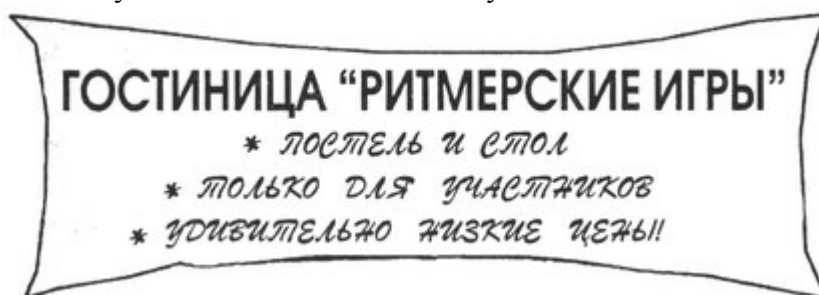
— Неудивительно, что его кошель вот-вот лопнет, — с отвращением сказала Жасмин. — Почему люди отдают ему деньги? Некоторые из них совсем бедны. Разве они не видят, что он выигрывает гораздо чаще?

— Фердинанд кричит, только когда игрок получает деньги. На проигравших никто не обращает внимания, о них сразу забывают, — пояснил Барда.

— Кри уже вращал колесо двадцать девять раз, — подсчитала Жасмин. — Еще один, и мы его забираем. Согласны?

Барда и Лиф кивнули. Как бы отчаянно они ни нуждались в деньгах, им больше не хотелось помогать жулику.

Барда заметил вывеску на одном доме неподалеку.

— Постель и стол! — мечтательно произнес Барда. — Мы могли бы отработать за постой. Надо попытаться.

Кри крутанул колесо в последний раз. Искудальный игрок с темными кругами под глазами с отчаянием смотрел, как оно останавливается на нарисованной птичке. Когда Фердинанд сунул ему деревянную игрушку, он быстро отвернулся, его рот скривился, тощие плечи поникли.

Жасмин подошла к столу и протянула руку за Кри.

— Тридцать раз. Нам пора идти.

Толстое лицо Фердинанда блестело от пота. Маленькие глазки возбужденно блестели. Он отрицательно покачал головой.

— Вы не можете уйти, — брызжа слюной, прошипел он. — Мне нужна эта птица. Посмотрите, какая толпа!

Фердинанд попытался схватить Кри, но тот как раз вовремя успел взлететь с жердочки и опуститься на другой край стола.

— А ну вернись!

Кри наклонил голову и вдруг сдернул клювом скатерть. Увидев, что скрывалось под столом, толпа ахнула, а потом взревела от злости.

На земле лежала педаль, от которой к колесу тянулись какие-то веревки.

— Он останавливает колесо, когда хочет! — крикнул кто-то. — Нажимает ногой на педаль! Он жульничает!

Толпа кинулась на обманщика. Кри поспешно перелетел на плечо Жасмин. Фердинанд схватил шкатулку с деньгами, сунул под мышку колесо и, забыв про ненужные костыли, перевернул стол и побежал по улице так, что только пятки засверкали. Впопыхах он уронил шкатулку, и деньги рассыпались. Некоторые остались собирать монеты, другие бросились за ним, крича от злости.

Лиф смотрел ему вслед, открыв рот от изумления.

— Надо же, у Фердинанда с ногами все в порядке! — воскликнул он. — Даже про костыли свои забыл!

— Сплошной обман, — фыркнул Барда. — Надеюсь, они его поймают. Хорошо еще,

что не свалили вину на Кри, а то и нам бы досталось!

— Если бы Фердинанд не заплатил нам вперед... — пробормотала Жасмин.

6

Берри, Бирди и Твиг

Она всматривалась в дорогу в поисках монет. Но толпа собрала все дочиста, и девочке досталась лишь деревянная птичка. Жасмин подобрала ее и засунула в карман к другим «сокровищам». Для нее не существовало ничего бесполезного.

Глядя на вывеску, друзья направились в гостиницу для участников Игр. Войдя, они оказались в удивительно маленькой тесной комнатухе. Полная женщина в ярко-зеленом платье, украшенном оборками и лентами, поднялась из-за стола в углу и двинулась к ним, солидно позвякивая связкой ключей на поясе.

— Добрый день, — приветствовала их она. — Я матушка Брайтли, ваша хозяйка. Только не обижайтесь, но, прежде чем принять вас, я должна спросить, действительно ли вы участники Игр.

— Хотелось бы, — осторожно откликнулся Барда. — Но мы впервые в ваших краях и не знаем, что это, собственно, за Игры и...

— Что ж, тогда вы попали в нужное место! — недослушав его, провозгласила матушка Брайтли. — Добро пожаловать в официальную гостиницу Игр. У нас вы можете записаться для участия и остаться до завтрашнего открытия соревнования.

Друзья переглянулись. Звучало чудесно, но...

— У нас на всех только одна серебряная монета, — неохотно произнес Барда. — Мы надеялись, если возможно, отработать наше проживание.

Хозяйка всплеснула руками и замотала головой.

— Отработать? Что за чепуха! — воскликнула она. — Вы должны отдохнуть и поесть, чтобы показать все, на что способны, завтра. Если у вас только одна серебряная монета, то это и будет ваша плата за проживание. В нашей гостинице постояльцы платят, сколько могут себе позволить.

Прежде чем путники успели что-нибудь сказать, она устремилась к своему столу, приглашая следовать за собой. Матушка Брайтли села, пододвинула к себе огромную раскрытую книгу и взяла перо.

— Кто вы и откуда? — Она взглянула на Барду.

У Лифа перехватило дыхание. Он, Барда и Жасмин решили, что было бы глупо раскрывать настоящие имена для выступления на Играх. Но они и не думали, что над псевдонимами придется думать так скоро.

Матушка Брайтли ждала, перо в ее руках опускалось, а брови, наоборот, поднимались.

— Э-э... Меня зовут Берри. Из Буштауна, — запинаясь, промямлил Барда.

Хозяйка гостиницы записала, слегка поморщившись.

— Что-то я раньше не слышала ни о каком Буштауне.

— Это на севере, — ответил Барда. — Мои друзья Берди и Твиг тоже оттуда.

Он бросил взгляд на Жасмин и Лифа, те грозно сверкнули глазами, но матушка Брайтли кивнула, поспешно записывая, и, видимо, осталась довольна.

— А теперь, — сказала она, захлопывая книгу, — извольте следовать за мной.

Все происходило слишком быстро. Словно в тумане Лиф, Барда и Жасмин прошли за хозяйкой в другую комнату, где увидели весы, длинную линейку и массивный шкаф.

— Пожалуйста, сдайте оружие, — сказала матушка Брайтли, открывая шкаф ключом из связки. Заметив, что путники колеблются, она резко хлопнула в ладоши и повысила голос: — Я вынуждена настаивать! В нашей гостинице запрещено носить оружие.

Нехотя Лиф и Барда отстегнули мечи, а Жасмин сняла с пояса кинжал. Матушка Брайтли заперла оружие в шкафу и ободряюще кивнула.

— Не бойтесь, здесь оружие будет в сохранности до вашего отъезда, — заверила она

друзей. — А теперь нужно вас измерить.

Матушка Брайтли взвесила Лифа, Барду и Жасмин по очереди и измерила их рост, тщательно занося эти данные в журнал. Она ощупала их мускулы и пристально осмотрела руки и ноги и в конце концов удовлетворенно кивнула.

— Вам, мои дорогие, нужно подкрепиться и отдохнуть, но в целом вы, очевидно, сильны и отлично выступите. Я поняла это, как только вас увидела. И последнее. Ваши особые возможности.

Лиф, Барда и Жасмин переглянулись. Они не совсем поняли, что та имела в виду.

— Я умею лазать по деревьям, — неуверенно сказала Жасмин после некоторого размышления. — Могу удерживать равновесие на большой высоте, прыгать...

— Отлично, Верди, — сказала матушка Брайтли и записала «ловкость» напротив выдуманного имени Жасмин. Затем повернулась к Барде: — А ты, Берри? Дай угадаю! Твой талант — сила, так ведь?

Барда пожал плечами и согласно кивнул. Хозяйка улыбнулась, снова записала и перевела взгляд на Лифа:

— А Твиг?

Лиф почувствовал, как к лицу приливает жар, и понял, что краснеет. Почему Барда придумал для него такое глупое имя? И какие у него «особые возможности»? Если они вообще есть...

— Скорость, — быстро сказал Барда. — Мой друг очень быстр, может прыгать, бегать и уворачиваться лучше всех.

— Отлично, — обрадовалась матушка Брайтли, записывая «скорость» напротив «Твиг из Буштауна». — Ловкость, сила и скорость. Что ж, вместе вы, должно быть, неплохая команда! Подождите-ка здесь минутку, я сейчас вернусь.

Она поспешно вышла из комнаты. Друзья переглянулись. Внезапные перемены в жизни слегка сбили их с толку.

— Понятно, почему люди стремятся в Ритмер, — вполголоса произнес Лиф. — Почему еще вся Тилоара не собралась сюда? Здесь же любой может бесплатно получить стол и кров, пусть и ненадолго.

— Если участвует в Играх, — уточнил Барда. — Мне кажется, эти Игры будут сложнее и опаснее, чем мы предполагаем.

— Ни одни состязания в беге и прыжках не сравнятся с тем, через что мы прошли! — ответила Жасмин. — Что самое сложное, так это отзываться на дурацкие имена, которыми ты нас наградил, Барда!

— Да уж, — поддержал ее Лиф. — Твиг! Не мог выдумать чего получше?

— Меня застигли врасплох, и я сказал первое, что пришло на ум, — пробурчал Барда. — Если бы я стал долго думать, она поняла бы, что я лгу.

В этот момент в комнату вошла матушка Брайтли. В руках она несла три цветные ленты — красную, зеленую и синюю. Красную ленту она повязала на запястье Барде, зеленую Лифу и синюю Жасмин. Их вымышленные имена были написаны на этих повязках наряду с ростом и весом.

— Не снимайте повязки даже на ночь, — посоветовала она. — Теперь вы официальные участники, и повязки говорят о ваших особенностях. Благодаря им вы можете бесплатно есть, пить и входить на Игры. А теперь вам, наверное, хочется покушать и, несомненно, отдохнуть с дороги. Серебряную монету, пожалуйста!

Жасмин передала ей монетку, а взамен получила ключ от комнаты 77.

— Номер вашей комнаты семьдесят семь — это счастливый номер, так что храните ключ хорошенько.

Друзья кивнули, но матушка Брайтли мешкала, покусывая губу, как если бы у нее было что-то на уме. Она быстро огляделась, желая убедиться, что они одни, и подалась к ним, шурша зелеными кружевами.

— Я говорю это не всем участникам, но вы впервые на Играх, и, кроме того, вы мне

понравились, — прошептала она. — Никому не доверяйте, как бы дружелюбны они ни были. И держите дверь запертой все время, особенно ночью. Нам тут не нужны всякие... неприятности.

Хозяйка поднесла палец к губам, повернулась и засеменила прочь, приглашая следовать за ней.

Удивляясь, они прошли за ней по коридору в большую столовую, где с удовольствием ели и пили множество людей с красными, зелеными и синими повязками на руках. Многие из них подняли глаза и уставились на вновь прибывших. Их лица выражали любопытство, вызов, подозрение или угрозу. Большинство выделялись из общей массы своими великанскими размерами и силой.

Лиф гордо поднял подбородок и огляделся вокруг, желая показать, что не нервничает и никого не боится. За центральным столом он увидел Джоанну и Орвена — рослых путников, которых они встретили на дороге. И тут Лиф вздрогнул, увидев рядом с ними еще одного знакомого.

Это был смуглый и изборозженный шрамами путешественник, которого друзья видели в магазине Тома по пути в город Крыс. Его тяжелый взгляд устремился на пришедших, но не выдал того, что он их узнал.

— Угощайтесь, мои милые. — Матушка Брайтли указала на длинный стол в одном из углов, уставленный еще теплыми кушаньями. — Ешьте, потом отдыхайте. Набирайтесь сил перед завтрашним испытанием. Я верю в вас! Вы наверняка выйдете в финал! Поверьте, я многих повидала!

Она даже не думала говорить тише, и Лиф обеспокоенно заметил, что взгляды людей стали настороженнее. Они все слышали.

— А я тем временем вернусь за свой стол, — продолжала матушка Брайтли. — Уже поздно, но все равно могут приехать новые желающие. Колокол разбудит вас к завтраку. Второй раз вы услышите его час спустя, он возвестит о начале Игр.

Она повернулась, чтобы выйти. Внезапно, не желая оставаться в одиночестве в такой недружелюбной обстановке, Лиф заговорил, чтобы задержать ее.

— Прежде чем вы уйдете, матушка Брайтли, не посоветуете ли, в каких соревнованиях нам участвовать?

Брови женщины удивленно поднялись.

— Зачем? Ведь не вам выбирать, с кем сражаться!

— Сражаться? — глухо переспросил Лиф.

Матушка Брайтли кивнула.

— Вы будете биться с теми, кто подходит вам по росту, весу и особенностям. По крайней мере, вначале. Конечно, если пройдете первые несколько раундов, будете сражаться с соперниками из разных категорий.

Она всплеснула руками. Ее глаза заблестели.

— Финальные схватки интереснее всего! Ловкость против силы. Скорость против ловкости. Сообразительность против мощи. Иногда состязание длится несколько часов! Два года назад финальный бой длился день и ночь — это была кровавая схватка. Проигравший, бедняжка, лишился ноги, — ее просто расплющило! Естественно, в утешение он получил сотню золотых монет. Но, уверяю вас, это было чудное развлечение!

Она весело подмигнула им и вышла, с грохотом захлопнув дверь.

7

Неприятности

Друзья молча смотрели друг на друга.

— Ну что ж, — наконец произнес Барда, — теперь мы, по крайней мере, знаем, почему на Игры в Ритмер не съехалась вся Тилоара. Немногие хотят быть втоптаннными в землю ради развлечения.

Лиф взглянул туда, где сидел человек со шрамами, чтобы показать его Жасмин и Барде, но увидел лишь пустой стул. Человек исчез.

— Думаю, нам следует убраться отсюда, — медленно проговорил Лиф. — Мы не можем позволить себе получить тяжелые увечья из-за денег. Придется зарабатывать по-другому.

Жасмин покачала головой.

— Я не уйду, пока не поем, — заявила она. — Я очень голодна, да и Филли тоже.

Барда и Лиф переглянулись. Идея поесть была слишком хороша.

— В конце концов, серебряная монета — достаточная плата за ужин, — сказал Лиф.

На том и порешили. Положив всяческой снеди на тарелки, друзья нашли свободное место и с наслаждением приступили к еде. Кушанья были превосходны. На столах стояли кувшины с сидром «Королева Пчел», и они пили его кружку за кружкой.

Сначала, поглощенные трапезой, друзья разговаривали мало, да и к ним никто не обращался. Но у Лифа покалывало в затылке, и он знал, что добрая дюжина взглядов была устремлена на него. Остальные участники Игр пытались понять, насколько серьезным противником он является, но Лиф-то знал, что у них нет повода беспокоиться. Скоро его здесь не будет.

Когда закончился ужин, столовая заметно опустела. Утолив голод, Лиф почувствовал, что хочет спать. Барда и Жасмин тоже начали зевать, хотя все прекрасно понимали, что не смогут остаться в гостинице на ночь. Нехотя друзья встали и направились к двери, через которую попали сюда, зная, что за каждым их шагом следят.

— Было бы здорово поскорее убраться отсюда, но так не хочется разочаровывать матушку Брайтли, — смущенно пробормотал Лиф.

Жасмин усмехнулась.

— Боишься, что она разозлится? Да кому какое дело?

Барда толкнул дверь, но она не открылась. Похоже, их заперли снаружи.

— Не туда, — с расстановкой произнес сзади них глубокий голос. — Спальни и тренировочные комнаты в той стороне.

Они повернулись и увидели огромную фигуру Орвена. Он указывал на дверь в противоположном конце столовой.

— Нам не нужны спальни, — ответила Жасмин. — Мы хотим уйти.

Орвен уставился на нее, но после некоторого размышления покачал головой.

— Вы участники и не можете покинуть гостиницу.

Лиф подумал, что великан медленно соображает.

— Мы передумали, Орвен, — терпеливо объяснил он. — Мы больше не хотим участвовать в Играх и решили продолжить путь.

Но тот снова покачал головой.

— Вы не можете передумать. Ваши имена в книге. На вас повязки. Вы ужинали в столовой. Теперь уйти нельзя.

— То есть мы пленники? — удивился Барда.

Орвен пожал огромными плечами.

— Остальные хотят быть здесь. Мы не считаем себя пленниками. Но, конечно, никто свободно никуда не уходит.

Кивнув на прощание, он повернулся и ушел.

Разозлившись, Жасмин стала что есть мочи колотить в дверь. Стоял оглушительный грохот, но никто не пришел.

— Что же нам теперь делать? — раздосадованно спросил Лиф.

— Просто пойдем в нашу комнату, — примирительно ответил Барда. — Мы устали и плохо соображаем. Утро вечера мудренее! Не волнуйтесь.

В столовой воцарилась тишина, и все смотрели, как трое друзей прошли к двери в спальни. Ориентируясь по указателям, они поднялись по лестнице и тут же попали в лабиринт коридоров.

Ковры на полу смягчали шаги, а коридор был прекрасно освещен, но как только они вошли в него, Лифу стало не по себе: ноги налились тяжестью, шея будто одеревенела. Он был уверен, что двери за их спинами бесшумно открывались и их сверлили злобными взглядами. Несколько раз он оборачивался, желая уличить будущих соседей, но ничего не выходило.

— Не обращай внимания, — громко сказал Барда. — Пусть дураки смотрят. Нам-то какое дело?

— За нами кто-то идет, — выдохнула Жасмин. — Я их чувствую. Матушке Брайтли не стоило так громко говорить с нами при всех. Боюсь, теперь кто-нибудь захочет устранить нас еще до Игр.

Рука Лифа по привычке потянулась к мечу, который теперь покоился в шкафу хозяйки гостиницы.

Они увидели номера на дверях — 65 и 66. Впереди коридор поворачивал.

— Мы совсем рядом, — прошептал Лиф. — Скоро будем в безопасности.

Они ускорили шаг и добрались до угла. Впереди был тупик. Заметив на последней двери номер 77, они двинулись к ней.

И вдруг погас свет!

Кри испуганно каркнул, в темноте Лиф повернулся и прижался к стене. Мимо кто-то проскользнул. Лиф услышал вскрик Барды. Раздался звук удара, и кто-то вскрикнул от боли. Послышались возня и топот убегающих ног. Тишина.

— Лиф! Барда! — позвала Жасмин. — Где вы?..

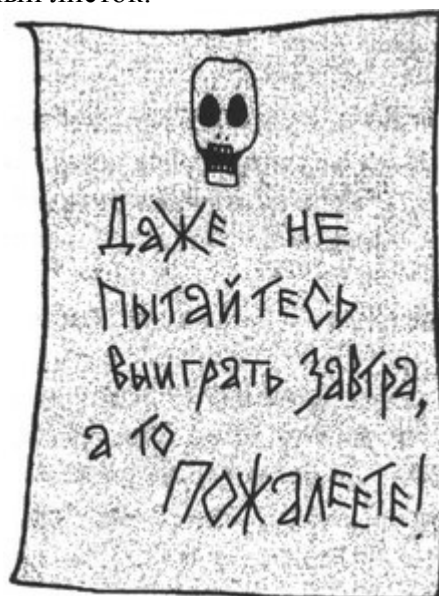
Лиф отозвался и, к своему облегчению, услышал стон Барды. Так же неожиданно, как погас, свет снова зажегся. Прикрыв глаза от яркого освещения, Лиф увидел, что Барда поднимается с пола и вынимает из кармана какую-то смятую бумажку.

Позади него стояла Жасмин с всклокоченными волосами. Левой рукой она защищала Филли под курткой, а правой сжимала второй кинжал, который обычно прятала. С кончика кинжала капала кровь. Жасмин в ярости озиралась. Лиф проследил за ее взглядом и увидел дорожку из красных капелек, ведущую за угол.

— Отлично! Я не была уверена, что смогла ранить их. Пусть знают, что мы не так просты, — прошипела Жасмин. — Только трусы нападают в темноте!

— Они забрали наш ключ, — хмуро проговорил Барда. — А взамен оставили вот это.

Он показал им расправленный листок:

Друзья огляделись. Все было тихо. Ни одна дверь не открылась.

— Ну, — спросил Лиф через секунду, — что будем делать?

Ответ он уже знал. Его трясло от гнева. Глаза Жасмин сверкали, а на лице Барды

появилось упрямое выражение.

— Кто бы ни сделал это, он совершил ошибку, — громко сказала Жасмин, чтобы услышали все, кто хотел. — Что бы мы ни решили раньше, теперь уж точно не уйдем!

— Пусть другие жалеют! — так же громко добавил Барда.

Не торопясь, они добрались до двери 77. Она распахнулась, лишь только Барда повернул ручку, и они вошли в небольшую опрятную комнатку.

Здесь было светло и ярко от цветастого ковра на полу.

Но решетки на окнах делали ее похожей на тюрьму.

Из мебели здесь были три кровати с красными покрывалами и массивный шкаф.

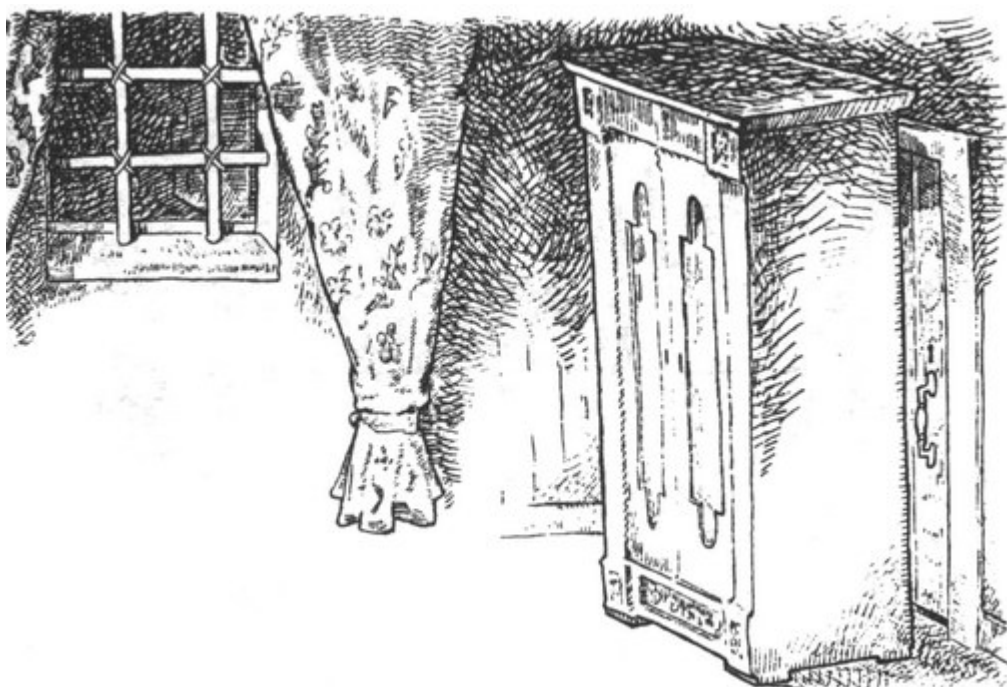
— Тот, кто украл наш ключ, хотел, вероятно, чтобы мы всю ночь не спали, — заключил Лиф.

— Ну и дурак! — отрезал Барда. — Мы хорошо выспимся. Тут бояться нечего!

Навалившись плечом на шкаф, он легко придвинул его к двери.

С облегчением друзья попадали на кровати и тут же уснули. Как и предсказывал Барда, спали они крепко. Если за дверью и был какой-то шум, то их он не побеспокоил. Они спали, зная, что никто не войдет незамеченным.

Однако друзья слишком устали и кое-чего не учли. Думая о том, что кто-то может войти, они забыли о другом: ключ может не только отпирать, но и запирать двери. Когда колокол прозвонил к завтраку, они отодвинули шкаф и обнаружили, что дверь закрыта снаружи.

Их неведомый враг нашел-таки другой способ помешать им выиграть. Он решил вообще не пускать их на Игры!

8 Игры

Друзья долго кричали и стучали, но никто не пришел. В конце концов Барда яростно бросился на дверь в надежде выбить ее плечом, но дерево было толстым, а замок прочным, и его усилия не увенчались успехом.

Наконец они признали поражение и бессильно плюхнулись на кровати.

— Как мы об этом не подумали! — посетовал Барда.

Жасмин молчала. Лиф знал, что она борется со страхом. Для нее самым худшим было оказаться под замком. Через секунду она уже была на ногах и подскочила к окну. Схватившись за прутья решетки, девочка принялась трясти их и звать на помощь. Но ветер уносил ее голос.

— А Кри смог бы пролезть сквозь решетку? — спросил Лиф.

Жасмин покачала головой, но вопрос навел ее на мысль. Она сгребла покрывало со своей кровати и наполовину высунула его в окно, чтобы оно развевалось, как флаг.

Прозвучал второй колокол. Время неумолимо бежало вперед. Лиф стиснул зубы. Как, наверное, сейчас потешались над ними их враги! С какой легкостью их провели!

Неожиданно в дверь постучали. Друзья закричали в ответ, и тут же в замочной скважине лязгнул ключ. Дверь распахнулась, за ней стояла матушка Брайтли в ярко-красном платье и соломенной шляпке, подвязанной зелеными и синими лентами. Ее щеки горели, а дыхание было прерывистым.

— Я уже уходила на Игры, когда увидела, что одно из моих покрывал полощется на ветру! — воскликнула она. — Я глазам не поверила, но сразу же поспешила сюда!

Лиф, Барда и Жасмин наскоро объяснили, что случилось. Женщина слушала с возгласами ужаса и смущения.

— О! Как же мне стыдно, что все это произошло в моей гостинице! — причитала она. — Надеюсь, это не повлияет на ваше выступление! Я уже всем сказала, что вы, по меньшей мере, выйдете в финал.

— А еще не поздно? — спросил Лиф.

Матушка Брайтли решительно поднялась.

— Вовсе нет! Идите за мной!

Оставив Кри и Филли в комнате, Лиф, Барда и Жасмин проследовали за женщиной вниз по лестнице, а потом через пустую столовую. Там она поднесла им тарелки с едой и по большой кружке сидра.

— Ешьте, набирайтесь сил. Мы покажем этим презренным, что с любимцами матушки Брайтли не стоит связываться! — разгневанно приговаривала она.

Когда они подкрепились, матушка Брайтли провела их через тренировочные залы в глубине гостиницы прямо к арене. Церемония открытия еще шла, и многие посмотрели на пришедших. Барда, Жасмин и Лиф воинственно вскинули головы, не обращая внимания на взгляды и перешептывания.

— Удачи! — шепнула матушка Брайтли и удалилась, оставив друзей одних.

Арена была огромным кругом из песка, окруженным рядами скамеек, которые поднимались вверх. На скамейках сидели люди, вокруг тоже толпился народ, многие размахивали красными, зелеными и синими флагами с изображением золотой медали — символа Игр.

Участники, стоя на арене, подняли руки в клятве сражаться как можно лучше. Среди них выделялись ростом Джоанна и Орвен. Человек со шрамами тоже был здесь, он стоял недалеко от Лифа. На его шее был повязан лоскут ткани.

Интересно, это защита от солнца? Или под импровизированным шарфом скрывалась рана, нанесенная кинжалом Жасмин прошлой ночью? Лиф сжал руку в кулак и вскинул ее вверх. Он отмел все страхи и сомнения. Теперь мальчик только злился и хотел показать, что так просто не сдастся.

Вскоре попарно зачитали имена участников, и соревнования начались. Правила были простыми. Все пары сражались по одному разу. Проигрывал тот, кто не мог больше держаться на ногах.

Проигравший выбывал. Победитель после небольшого отдыха встречался с другим победителем и сражался вновь. Выносливость была так же важна, как сила, ловкость, скорость и хитрость.

Лиф, Барда и Жасмин вскоре поняли, что честная игра не имеет ничего общего с этими Играми в Ритмере. Участники сражались со всей яростью, на какую были способны, толкаясь, кусаясь, вырывая волосы и царапая глаза. Все, кроме оружия, было разрешено.

Толпа ревела, размахивала флагами и подбадривала своих любимцев, освистывая тех, кто был не так хорош. Продавцы сладостей, горячих пирожков и сидра сновали между рядами, громко расхваливая свой товар.

Все больше и больше проигравших покидали арену, зажимая раны. Схватки становились ожесточеннее, но Барда, Лиф и Жасмин выстаивали каждый раунд.

В отличие от своих противников, друзья привыкли драться не на жизнь, а на смерть. Они использовали все, чему научились со времени первой встречи в лесу Безмолвия.

Лифа спасало то, что он вырос на опасных улицах Тила. Как Барда и сказал матушке Брайтли, Лиф уворачивался и бегал лучше всех, а его сообразительность помогала справляться с противниками намного сильнее его. Он был молод, но благодаря работе с отцом в кузнице его тело окрепло, а мускулы привыкли к постоянному напряжению.

С детства Барда обучался ремеслу стражника во дворце, а они были самыми сильными бойцами во всей Тилоаре, только однажды проигравшими колдовству Повелителя Теней. Многие годы Барда боролся со своими приятелями ради тренировки. И с тех пор как он сбежал и стал нищим, не утерял свою силу, следуя всюду за Лифом и защищая его.

А что же Жасмин? Никому из их компании не довелось столкнуться с тем, через что прошла она, и прожить такую жизнь. Проницательная матушка Брайтли увидела силу в этих тонких руках и решительность в зеленых глазах. Но противники Жасмин ошибочно принимали ее хрупкость за слабость и платились за это.

Солнце клонилось к закату, когда объявили восемь финалистов, которые завтра проведут последние бои.

Барда, Лиф и Жасмин были среди них. Джоанна и Орвен тоже. Остальные трое: мускулистый низкорослый мужчина по имени Глок, женщина Нерида, чья скорость потрясла зрителей, и человек со шрамами, чье имя было трудно не запомнить, — Дум.

— Подходящее имя для такого угрюмого человека, — сквозь зубы сказал Барда, когда Дум без улыбки выступил вперед, подняв руки в ответ на приветствия толпы. — Меня не тянет драться с ним.

Лиф согласился с другом. Но кое-что беспокоило его больше.

— Я не думал, что мы все выйдем в финал, — прошептал он. — Что, если нам придется сражаться друг с другом?

Жасмин уставилась на него.

— Что ж, мы решим, кто победит, и разыграем схватку, — сказала она. — В остальных боях придется постараться. Мы должны позволить противникам выиграть, чтобы избежать ранений. Мы и так получим по сто золотых монет каждый, ведь мы вышли в финал. Нам этого вполне хватит. Барда беспокойно зашевелился. Вообще-то идея притвориться проигравшим удручала его не меньше, чем притвориться выигравшим.

— Это не совсем честно... — начал он.

— Нечестно? — оборвала его Жасмин. — А здесь вообще что-нибудь честно?

Она повернулась к Лифу:

— Скажи ему!

Лиф колебался. Его это беспокоило не так, как Барду, скорее он не хотел обманывать организаторов Игр или даже зрителей. На улицах Тила честность много значила только для друзей, а выживание было единственным правилом. Но часть его мозга — та, где все еще горела злость на тех, кто их запер накануне, — была против плана Жасмин.

— Противники поймут, если мы не будем пытаться победить. Они решат, что мы отступили перед их угрозами, — сказал он, понизив голос.

Жасмин фыркнула.

— Ты такой же глупый, как Барда! Ты рискнешь целью нашего похода ради своей гордости? На тебя терпения не напасешься!

Она отвернулась и пошла прочь.

В тот вечер финалисты ужинали все вместе в столовой, и им прислуживала улыбающаяся матушка Брайтли в красном нарядном платье. Это был странный ужин, потому что накануне вечером зал был наполнен шумом и суетой, а теперь здесь царили гулкое эхо и пустота. Проигравшие, наверное, уже уехали. Лиф удивился, как быстро им это удалось, ведь едва ли не каждый из них был ранен и почти без денег.

Жасмин все еще злилась, ела мало и пила только воду.

— Меня мутит при мысли о сидре, — объяснила она. — Воздух на арене пропитан сидром, потому что зрители целый день его пили.

Барда поморщился.

— Не следует продавать им сидр! Он нужен бойцам, чтобы восстанавливать силы, а не тем, кто сидит на месте. Вот почему они так жаждали кровавого боя!

В этот момент матушка Брайтли позвонила в колокольчик.

— Несколько слов перед сном, мои дорогие, — обратилась она к финалистам. — Пусть ночь пройдет без происшествий, поэтому я хочу забрать ваши ключи и запереть все двери сама. А отопру я их только после утреннего колокола.

В столовой воцарилось молчание. Женщина оглядела всех, ее полное лицо выражало совершенную серьезность.

— Спите крепко и хорошенько отдохните, — продолжила она. — Завтра вы должны быть сильными и собранными. Толпа всегда так возбуждена в день финала! Даже чересчур! Однажды бойца, не выступившего должным образом, просто разорвали на куски! Я бы не хотела, чтобы подобное случилось и с вами.

Желудок Лифа скрутило. Он не осмелился даже поднять глаза на Жасмин и Барду. Так, значит, вот как организаторы Игр добивались от финалистов полной самоотдачи! Их оружием была толпа — неистовая, действующая как единое целое, охочая до драк и жаждущая крови.

9

Финал

Арена была слегка теплой, когда утром они ступили на нее. Солнце прогрело недавно привезенный песок только с одного края, другой же еще покоился в глубокой тени. Все скамьи были заполнены возбужденными зрителями.

Восемь финалистов подняли руки и повторили клятву сражаться до конца. Потом все по очереди подходили к улыбающейся матушке Брайтли и вытаскивали карточку из плетеной корзины в ее руках.

Лиф посмотрел на свою карточку, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Номер три. Он взглянул на Барду и Жасмин и, к своему облегчению, увидел, что Барда держит номер один, а Жасмин — четыре. Итак, хотя бы в этом раунде они не будут драться друг против друга. Но кто же их противники?

Лиф огляделся и пал духом, увидев Дума, направляющегося к Барде с высоко поднятой карточкой, чтобы все видели номер один на ней. Великану Орвену досталась вторая карточка с номером четыре, и он уже стоял рядом с Жасмин, которая по сравнению с ним была просто ребенком. Глок и Джоанна вытащили карточки с двойками. Осталась только Нерида Проворная. И вот уже она спешила к Лифу с карточкой номер три.

Толпа взорвалась свистом и улюлюканьем, когда четыре пары бросили наземь карточки с номерами и предстали друг перед другом.

Нерида посмотрела на свои руки, затем на Лифа.

— Должна признаться, я очень боюсь, — тихо произнесла она. — Совсем не понимаю, как я дошла до финала. А ты ведь один из любимцев матушки Брайтли, не так ли?

Лиф смущенно уставился на нее. Днем ранее он сражался с несколькими женщинами и понял, что глупо считать их легкими противниками. Кроме того, все, кто видел Жасмин в бою, знали, что нельзя недооценивать бойцовские качества женщин. Но Нерида выглядела такой хрупкой. Она была одного с ним роста, но стройнее и с большими темными оленьими глазами.

— Зрители... — подбирая слова начал Лиф, — мы должны...

— Ну, разумеется, — прошептала Нерида. — Я знаю, что должна стараться изо всех сил. И я вовсе не собираюсь винить тебя за то, что и ты тоже будешь очень стараться победить. Что бы со мной не случилось, мои бедные сестры и мать получают сто золотых монет, которые я уже выиграла. Матушка Брайтли мне это точно обещала.

— Пожалуйста, не бойся, я... — с сочувствием глядя на нее, сказал Лиф, но в этот момент прозвучал колокол к началу.

Ловко, по-змеиному изогнувшись, Нерида ударила его ногой в подбородок, отчего Лиф упал навзничь.

Толпа засмеялась и загикала.

Лиф вскочил на ноги, глупо трясая головой. В ушах звенело, и он совсем не видел Нериду. С необычайной быстротой она оказалась сзади него. Стремительно схватив Лифа за ноги, она дернула, и он снова упал, вскрикнув. А Нерида снова валила его, пиная в щиколотки,

колени, живот, грудь, заставляя его нелепо крутиться. Как Лиф ни пытался поймать ее, она всегда ускользала.

Нерида делала из него клоуна! Зрители издевались, выкрикивая его вымышленное имя «Твиг!» и смеясь. Волна гнева прояснила сознание Лифа. Если уж Нерида быстрая, то и он ей не уступит! Он откатился так, чтобы оказаться лицом к ней, резко вскочил на ноги и, схватив Нериду за талию, бросил на землю.

Она упала и лежала, стоная. Одна рука беспомощно вывернулась. Лифу оставалось лишь добить ее. Не дать подняться. Ударить или...

Из глаз барахтающейся на песке Нериды потекли слезы.

— Пожалуйста... — прошептала она.

На секунду Лиф замешкался. Этого оказалось достаточно. В следующее мгновение «поврежденная» рука Нериды уже обхватила его за щиколотку. Толпа ликовала, когда она вскочила, сбивая его с ног. Лиф пошатнулся, рухнул на землю и больше ничего не помнил.

В это время Барда и Дум сцепились, пытаясь повалить друг друга. Один не уступал другому, но мускулы Дума были поистине стальными, и сам он казался сильнее. Они вертелись из стороны в сторону, взад и вперед, но ни один не ослаблял хватки.

«Откуда бы ты ни пришел, Дум с Холмов, твоя жизнь не была легкой, — подумал Барда. — Ты много выстрадал». И он вспомнил знак, который человек со шрамами нарисовал на пыльном прилавке магазина, когда они впервые встретились. Знак Сопротивления. Секретный знак тех, кто поклялся уничтожить Повелителя Теней.

— Что ты здесь делаешь, Дум? — спросил его Барда сквозь зубы. — Зачем тратишь

время на драку со мной, когда есть дела поважнее?

— Какие дела? — сдавленно прошипел в ответ Дум. Длинный шрам на его бледной коже стал белым. — Сейчас мое дело — бросить тебя в пыль, Берри из Буштауна!

Его губы сложились в ухмылку, когда он произносил имя, словно знал, что оно настоящее.

— Твой друг Твиг ранен и вряд ли поднимется, — продолжал дразнить его Дум. — Там, сзади нас, слышишь, как ревет толпа?

Барда старался сосредоточиться, не глядя ни на кого вокруг и не обращая внимания на завывания зрителей. И все-таки он услышал безудержное скандирование:

— Нерида! Нерида! Бей! Так его! Еще!

Хватка Дума усилилась, и он, казалось, потяжелел. Барда на мгновение потерял равновесие, но устоял.

— Мы еще посмотрим, кто кого, Дум! — процедил он и, стиснув зубы, продолжил бороться.

Жасмин ничего не видела, кроме огромного Орвена, кружащего вокруг нее, не слышала ничего, кроме его надсадного дыхания и биения своего сердца, готового выпрыгнуть наружу. Ее ум был так же быстр, как и ее ноги.

Все участники, с которыми она дралась накануне, казались больше ее, но всем им было далеко до исполина Орвена. Если он поймает ее в свои медвежьи объятия, то непременно раздавит. Она должна стать пчелкой, вьющейся у головы этого чудовища. Должна раздражить его и утомить, чтобы он совершил ошибку.

Но Орвен был совсем не дурак. Он разгадал ее планы. Очень долго Жасмин была вне досягаемости, кружась и прыгая, больно пиная Орвена по ногам. По его лицу струился пот, но решимость не исчезла.

Вновь Жасмин увернулась от него. Довольно долго она старалась развернуть его лицом к солнцу, и ей это почти удалось.

Вдруг выражение лица Орвена изменилось. Он смотрел через плечо Жасмин глазами, полными ужаса. Обманный трюк?

Сзади раздался ужасный звук — кто-то хрипел в агонии. А толпа бесновалась: «Глок! Глок! Убей! Убей! Убей!»

Орвен бросился вперед. Жасмин отскочила, но сразу же поняла, что Орвену не до нее.

Джоанна лежала на земле. А Глок склонился над ней, обхватив волосатыми лапами ее шею. Его рот ощерился в зверской ухмылке, когда он наблюдал, как жизнь покидает тело Джоанны.

Орвен навис над ним и отшвырнул, словно тряпку. Зрители восторженно заорали. Глок был изумлен и взбешен. А Орвен бросился к Джоанне и приподнял ее.

Она повисла в его руках, и Жасмин решила, что Джоанна умерла. Но когда Орвен позвал ее, глаза приоткрылись, а руки поднялись к шее. Орвен склонил голову, вздохнув с облегчением и позабыв обо всем на свете.

Поэтому он не услышал ни шагов Глока, ни предупреждающего окрика Жасмин, не обратил внимания, что толпа поднялась с мест в предвкушении зрелища. В следующий миг сомкнутые в замок руки Глока обрушились на шею Орвена, как два булыжника. Орвен безмолвно упал и больше не поднялся.

Барда и Дум все еще боролись. Они остались одни на арене. Краем глаза Барда видел, как Глок, удерживаемый двумя прислужниками, рвался за носилками в приступе ярости.

— Глок просто безумец! — прорычал Дум голосом, преисполненным отвращения.

— А мы нет? — возразил Барда. — Кто бы из нас ни выиграл, он будет драться с ним. Думаешь, тысяча золотых монет достаточная награда за такое испытание?

— А ты? — сверкнул глазами Дум. — Мне приходится участвовать из личных соображений. Тебе вряд ли. Мы устроили отличный бой. Если один из нас сейчас сдастся, второй волен продолжить свой путь. Подумай!

Барда задумался и споткнулся.

Лишь небольшое замешательство, маленькая прореха в концентрации. Думу этого было достаточно. Поворот, мощный толчок, и Барда зашатался.

Кулак противника обрушился на его челюсть. В глазах вспыхнули огоньки, земля устремилась ему навстречу.

Через секунду он уже лежал лицом в песке, голова кружилась, все тело ныло, в ушах стоял рев толпы: «Дум!» Теряя сознание, Барда думал, провел ли его Дум или сделал ему одолжение. Он проиграл по вине Дума или по своей?

10

Победитель

Осталось четыре финалиста: Нерида, Дум, Глок и Жасмин — ее объявили победительницей схватки, несмотря на то, что Орвена сразил другой.

Жасмин лишь немного знала о состоянии Лифа и Барды. Обоим крепко досталось, но матушка Брайтли, хлопотавшая вокруг них, заверила Жасмин, что они скоро придут в себя. Джоанна и Орвен тоже. Главное, что они живы и пострадали не так уж сильно.

Убедившись, что друзья в надежных руках, Жасмин позволила отвести себя в центр арены, к Глоку, Нериде и Думу.

Им поднесли кружки с пенящимся сидром. Темноволосый юноша-прислужник был в восторге оттого, что ему дозволено обслуживать финалистов. Он поднес сидр Думу, тот взял кружку со словами благодарности.

— Почему это ему первому? — закричал Глок. Он схватил с подноса другую кружку и осушил ее одним глотком.

Юноша испуганно уставился на Глока и забормотал извинения.

— Все нормально, — тихо произнес Дум. — Не расстраивайся.

Покраснев до ушей, юноша поднес сидр Нериде и Жасмин. Нерида взяла кружку и отпила глоток. Жасмин же отказалась.

— Спасибо, я не люблю сидр, — пояснила она. — Я пила воду, этого достаточно.

Пока слуга стоял в нерешительности, Глок схватил кружку Жасмин с подноса.

— Мне больше достанется!

Он повернулся к девочке, вытирая губы тыльной стороной руки.

— Молись, чтобы не встретиться со мной в следующем раунде, Верди. Я раздавлю твои косточки, как яичную скорлупу. Я...

Странное выражение сменило давешнее злорадство на лице Глока. И в этот момент Нерида, стоявшая рядом с ним, тихонько охнула, ее ноги подкосились, и она рухнула на песок. Глок уставился на нее, потом на пустую кружку в руке. Другая рука потянулась к горлу.

— Яд! — прохрипел он. И, повернувшись, указал трясущейся рукой на юношу: — Ты...

Парень выронил поднос и попятился. Когда Глок свалился без чувств, он уже затерялся в толпе.

Люди бежали к ним, крича и тыча пальцами. Жасмин посмотрела на Дума:

— Твоих рук дело! Этот парень знал тебя!

— Что за чушь ты несешь? — возразил Дум.

Жасмин прищурилась.

— Думаешь, если из противников осталась только я, ты легко выиграешь? — медленно проговорила она. — Ты ошибаешься, Дум.

Дум отвернулся, чтобы Жасмин не видела его лица. До них добрались судьи и принялись трясти Глока и Нериду, что-то выкрикивая. Только Жасмин слышала, как Дум прошептал: «Посмотрим».

Если драться с Орвеном было все равно что драться с медведем, то теперь перед ней

предстал волк. Так думала Жасмин, кружа по арене. Тощий хитрый волк.

Этот человек опасен. Очень опасен. Она понимала это каждой клеточкой тела. Жасмин боялась его так, как до того не боялась ни одного человека, сама не зная почему.

Ему все равно, умрет он или выживет, думала она и презирала себя за страх. Жасмин уловила вспышку в глазах Дума и отскочила как раз вовремя, чтобы увернуться от его выпада.

Толпа, лишенная полуфинальных схваток и разозленная тем, что их любимец Глок не смог драться, была в отвратительном настроении. Рокот проклятий разносился по рядам, когда Дум упускал свою добычу. Зрители устали от догонялок. Всем хотелось действия. И крови.

Тяжело дыша, Жасмин повернулась лицом к врагу. Дум ухмыльнулся:

— Где теперь твоя бравада, маленькая Верди? Что, не можешь справиться со страхом и показать зрителям хороший бой? Беги домой к мамочке на ручки!

При последних словах Дума ослепительная вспышка ярости пронеслась по телу Жасмин, вытесняя страх. Она подняла глаза на своего противника и с удовольствием увидела, что улыбка сошла с его лица, когда их взгляды встретились. Дум насторожился.

— Ты устал, старик, устал до самых костей! — сказала Жасмин.

И как только она произнесла это, поняла, что это правда. Бой с Бардой измотал Дума и притупил реакции. Почему же он до сих пор не поймал ее?

— Догони, если сможешь! — выкрикнула Жасмин, полуобернувшись.

Застигнутый врасплох, Дум сделал выпад вперед, а Жасмин крутанулась на месте и ударила его.

С животным удовольствием она слушала, как он застонал от боли и гнева. Бой продолжался. Дум не мог угнаться за ней.

Арена расплывалась. Жасмин не чувствовала ничего, кроме желания унижить и ранить. Казалось, ее кровь закипела, гнев превратился в энергию, наливая силой все мышцы. Она отступала назад, пока, высокий и мрачный, к ней приближался Дум. Толпа взывала. Голоса зрителей оглушали Жасмин. Почему они кричали так громко?..

Она отступила еще и ощутила под ногами деревянный настил.

В ужасе Жасмин оглянулась и увидела стену, а над ней нависали разгоряченные лица зрителей. Только теперь она поняла, как Дум провел ее, какой глупой она стала из-за злобы. Потихоньку Дум подталкивал ее к краю арены. Она уперлась спиной в деревянную стену. А Дум приближался.

Жасмин подпрыгнула вверх, перевернулась в воздухе и точно приземлилась на стену, как много раз делала это в лесу на деревьях. Сзади нее бушевала толпа. Но Дум был уже рядом, протягивая руки к ее ногам.

Инстинктивно Жасмин прыгнула навстречу ему. На какую-то секунду плечи Дума стали ей опорой. Жасмин прыгнула дальше, изо всех сил отталкиваясь от этой опоры. Она услышала, как Дум вскрикнул и рухнул у стены, а она, перекувырнувшись в воздухе, легко приземлилась на песок далеко от него.

Жасмин хотела спастись. Это было единственной целью. Но прыжок сделал гораздо больше.

Дум лежал у стены не двигаясь. Зрители повскакивали со своих мест и принялись выкрикивать ее имя. Жасмин медленно и с удивлением осознала, что бой окончен. Она победила.

— Теперь до следующего года! А какой захватывающей была последняя схватка! — смеялась матушка Брайтли, суетясь вокруг Лифа, Барды и Жасмин, возвращавшихся в гостиницу с церемонии награждения. — Начали, конечно, вяло, но как разошлись к концу!

Она похлопала Жасмин по плечу:

— Ты, дорогуша, очень популярна! Толпа ничего не любит так, как победу ловкости над силой.

Жасмин молчала. Золотая медаль тяжело висела на шее. А мешочек с золотыми монетами оттягивал руки. Но тяжелее всего было на сердце.

Ей становилось дурно от одной мысли, кем она стала там, на арене. Животным, получавшим удовольствие от унижения и страданий других. Бесноватой, позабывшей обо всем в пылу битвы. Она была такой же, как презренный Глок. Опьяненной насилием, как зрители. Эта мысль не давала ей покоя.

Лиф и Барда переглянулись за ее спиной. Они знали Жасмин достаточно, чтобы догадаться о ее чувствах. Но матушка Брайтли не могла даже и мысли допустить, что Жасмин испытывает что-то, кроме гордости.

— Честно говоря, — продолжала хозяйка, понизив голос, — я очень рада, что этот Дум проиграл. Тщеславный и злой человек с ужасным прошлым, я не сомневаюсь. Уверена, это он отравил сидр! И исчез, даже не дожидаясь своих ста золотых монет! Это доказывает его вину.

— А Глок и Нерида уже очнулись? — спросил Лиф.

Матушка Брайтли печально покачала головой.

— Спят как убитые, — вздохнула она. — Вряд ли уедут до завтра. А Джоанна и Орвен уже отправились в путь. Джоанна неважно выглядела, да и Орвен тоже, но я не смогла уговорить их остаться. Вот получили свое золото, и не нужен им больше Ритмер!

Лиф тоже не хотел здесь задерживаться, и Барда поддержал его.

— К сожалению, матушка Брайтли, мы тоже должны спешить, — осторожно начал Барда, когда они подходили к гостинице. — Но нам нужно кое-что приобрести до отъезда. Не подскажете ли, где...

— Да у меня есть все, что вам нужно! — перебила его матушка Брайтли. — Я продаю товары для путешественников!

Так и оказалось. Забрав Кри и Филли из комнаты, друзья проследовали за матушкой Брайтли в кладовую, забитую до отказа вещевыми мешками, одеялами, флягами, мотками веревки, лучинами, сушеной едой и многим другим.

Как друзья и ожидали, все стоило очень дорого. Но у них было достаточно золота, и, как многие другие до них, они решили лучше переплатить, чем искать все необходимое в городе. За полчаса они выбрали все, что могло понадобиться. Затем, по настоянию матушки, путники в последний раз пообедали в пустой столовой.

Лиф не мог наслаждаться едой. Его не покидало чувство опасности. Кожу покалывало, как если бы за ними кто-то следил. Но кто же это мог быть? Нерида и Глок еще спали. Джоанна, Орвен и Дум уже уехали.

Мальчик пытался отогнать этот глупый страх.

11

И глазом не моргнете!

Матушка Брайтли была в прекрасном настроении, пока они ели, но потом, когда она возвращала им оружие и друзья готовились к отъезду, стало ясно, что ее что-то беспокоит.

В конце концов хозяйка закусил губу и подалась вперед.

— Мне неприятно говорить об этом, — тихо произнесла она. — Я не люблю распространять слухи про Игры и Ритмер. Но вам я скажу. Известно, что чемпионам или даже обычным финалистам... иногда не везет на пути из города.

— Вы хотите сказать, на них нападают и грабят? — уточнил Барда.

Матушка Брайтли неохотно кивнула.

— Золотые монеты — большое искушение. Не обидитесь ли вы, если я предложу вам покинуть гостиницу по тайному пути? Из подвала ведет дверь. Так доставляют бочки с сидром, но немногие об этом знают. От двери начинается узкий безлюдный переулок. Вы проскользнете в него незаметно и быстро. И глазом не моргнете, как окажетесь там!

— Спасибо, матушка Брайтли. — Лиф тепло пожал ей руку. — Вы настоящий друг.

Ход через подвал оказался длинным и темным и тошнотворно вонял сидром. Их шаги гулко отдавались по камням. Друзья шли один за другим, а Барда согнулся почти пополам из-за низкого потолка. Оставшееся золото они разделили поровну на троих, чтобы облегчить ношу, но оно все равно оттягивало пояса. Мышцы все еще болели от вчерашних поединков. И вскоре все почувствовали напряжение и усталость.

— Возможно, лучше было остаться на ночь в гостинице и отправиться утром, — ворчал Лиф. — Но я даже подумать не могу о том, чтобы задержаться в Ритмере еще хоть на час.

— Я тоже, — после долгого молчания наконец-то заговорила Жасмин.

Кри, сидевший на ее руке, каркнул в знак согласия.

— Вообще-то мы получили то, за чем пришли, — сказал идущий впереди Барда. — Теперь нам хватит денег до конца путешествия и даже больше. — Он помолчал и добавил: — Ты молодец, Жасмин.

— Это точно, — охотно подтвердил Лиф.

— Вовсе нет, — тихо ответила девочка. — Мне стыдно. Этот Дум смеялся надо мной. Сказал: «Беги к своей мамочке!» Это вывело меня из себя. А он того и добивался. Хотел, чтобы я растерялась, зрителям бы это понравилось.

— Ну, тогда он ошибся в своих расчетах, — сказал Барда. — Ведь Дум проиграл. Думай о своей победе, а об остальном забудь. — Он остановился, показывая куда-то вперед. — Там свет. Думаю, мы скоро выберемся из этого проклятого подвала.

Друзья заторопились при мысли о том, что еще несколько шагов и они увидят солнце и наконец разогнутся.

Как и говорила матушка Брайтли, проход оканчивался низенькой дверцей. Свет тускло пробивался в щель под ней. Когда Барда поднял засов и распахнул дверь, их залил поток солнечных лучей.

Почти ослепнув от этого благодатного света, друзья по очереди вышли наружу. И один за другим получили чем-то тяжелым по голове. Даже не успев пикнуть, не говоря уж о том, чтобы глазом моргнуть.

Лиф очнулся под какими-то старыми вонючими лохмотьями. Голова раскалывалась. Во рту торчал кляп, а ноги и руки сковали тяжелые цепи.

Его неприятно трясло. Лиф смог различить звуки голосов, позвякивание упряжи, скрип колес. Он догадался, что их куда-то везут. Кто бы на них ни напал, он увозил их прочь от Ритмера. Но почему?

Пояс!

С леденящим чувством ужаса Лиф потянулся скованными руками под рубашку и облегченно вздохнул, нащупав знакомые очертания соединенных медальонов. Мешочка с деньгами не было. Меча тоже. Но Пояс Тилоары был на месте. Похитители не нашли его. Пока.

В ответ на его вздох раздалось глухое звяканье цепи и стон, а потом сдавленное всхлипывание. Барда и Жасмин тоже здесь. Лифу стало спокойнее, хотя, конечно, было бы лучше, если бы хоть кто-то из них оставался на свободе. Тогда существовала бы надежда на спасение.

Впереди раздался каркающий смех.

— Букашки просыпаются, Карн Восьмой, — сказал грубый голос. — Мне их усыпить снова?

— Лучше не надо, — возразил второй голос. — К прибытию они должны быть в хорошем состоянии.

— Да стоит ли из-за них беспокоиться? — презрительно бросил первый. — Большой еще ничего, а вот двое других — мусор! Особенно девчонка! Тоже мне чемпион! Да она и пяти минут не выдержит на Арене Теней.

Лиф лежал не шевелясь, борясь со страхом и изо всех сил напрягая слух, чтобы сквозь звук дождя расслышать разговор.

— Не нам решать, Карн Второй, — ответил другой. — За это отвечает старуха, а не мы. Так было всегда. Брайтли поставляет товар, а мы перевозим его в целости и сохранности.

Лиф почувствовал, как в голову ему ударила кровь. Рядом с ним от бессильной ярости зарычал Барда.

— Букашки все слышат, — прошептал тот, кого звали Карн Второй.

— Нам-то что? Они ведь уже никому ничего не расскажут, — хмыкнул его напарник. — Может, ты боишься, что черная птица кому-нибудь проболтается? Она все еще здесь, над нами.

Они засмеялись, а повозка тряслась дальше.

Казалось, дороге не будет конца. Лиф просыпался и снова засыпал. Становилось холоднее и темнее, дождь лил не переставая. Лохмотья, накрывавшие его, отсырели. Лиф начал дрожать.

— Давай-ка остановимся, — наконец сказал Карн Восьмой. — Надо их покормить и напоить, а то они концы отдадут. Нас за это не похвалят!

Повозка съехала с дороги и остановилась. Лифа схватили и грубо швырнули на землю. Боль молнией пронеслась в его голове и отдалась во всем теле. Только холодный дождь не давал потерять сознание.

— Осторожнее, дурак! — прошипел Карн Восьмой. — Сколько можно тебе вдалбливать? Сломаем хоть что-нибудь, чего нет в отчете Брайтли, и будем драться на Арене сами! Хочешь закончить жизнь гладиатором, сражаясь с Враалом?

Первый что-то пробурчал, нагнулся и схватил Лифа за руки. В этот момент оправдались самые худшие подозрения мальчика. Их похитителями были Серые Стражи.

Карн Второй и Карн Восьмой соорудили для пленников примитивное убежище — бросили пропитанную маслом ткань на нижние ветви дерева. Барда, Жасмин и Лиф, дрожа от холода, забрались под этот навес и прижались друг к другу.

Кри, который летел за ними от самого Ритмера, сел на плечо Жасмин. Он не мог помочь им. Надежды на спасение не было. Железные цепи Стражи прикрепили к колу и вбили его в землю.

У них вынули кляпы изо рта, дали попить и швырнули сухих хлебных корок. Потом Стражи удалились. Невзирая на темноту и дождь, Лиф разглядел, что они забрались под телегу и, похоже, собрались там заночевать.

— Я не могу есть в этих цепях! — воскликнула Жасмин.

— Придержи язык, иначе я отрежу его и брошу в Зыбучие пески! — прорычал Карн Второй. — Мы прошли их всего час назад.

— Лиф, Пояс цел? — прошептал Барда.

— Да. Ты слышал?..

— Мы недалеко от Зыбучих песков. Но что нам это дает? Матушка Брайтли обвела нас вокруг пальца.

— А я-то считала ее просто недалекой доброй старушонкой, — злобно прошипела Жасмин, отламывая кусочек сухаря для Филли. — Потайной ход из гостиницы оказался ловушкой.

— Вообще все эти Игры — западня, а золото — приманка! — Лиф сжал кулаки. — Это самый простой способ привлечь лучших игроков и заставить их показать себя во всей красе, чтобы легче было выбрать сильнейших. А милая добрая матушка Брайтли всегда тут как тут, чтобы усыпить бдительность финалистов и передать их Серым Стражам, что называется, из рук в руки.

Барда печально покачал головой.

— По дороге в Ритмер мы слышали, что немногие чемпионы возвращаются домой. Теперь мы знаем почему. Они не сбегают, чтобы в одиночку потратить свои деньги. Их увозят в страну Теней, где на потеху толпе они сражаются с дикими зверями и друг с другом.

— А приз и медаль отбирают и используют снова и снова, — сказала Жасмин. — Чудовищно!

Ливень прекратился, только моросили мелкие капли. Из-под телеги раздавался громкий храп. Стражи спали. Друзья отчаянно пытались освободиться от уз, хотя в глубине души понимали, что это невозможно.

Они давно оставили надежду и погрузились в некрепкий сон, как вдруг Кри предостерегающе каркнул. Сзади послышался тихий шорох.

— Молчите и не двигайтесь, пока я не скажу, — прошептал кто-то. — Ваши сумки и оружие я уже перепрятал. Теперь попробую снять с вас цепи. Потом следуйте за мной как можно тише!

12

Предводитель

Вскоре после этого друзья уже сидели на корточках в пещере и с изумлением взирали на своего спасителя. Это был Дум.

Нетерпеливым жестом он прервал их изъявления благодарности.

— Слушайте внимательно. У нас мало времени. Я предводитель тех, кто поклялся сражаться против Повелителя Теней. Мы давно подозревали, что Игры — совсем не то, чем они кажутся. Я предложил посмотреть изнутри, что там творится. Вы нарушили наши планы. Я пытался вас запугать...

— Так, значит, это вы заперли нас в комнате! — перебил его Лиф. — И вы напали на нас.

— Да, и поплатился за это. — Дум, поморщившись, потрогал шею. — Я хотел помешать вам участвовать в Играх, чтобы защитить вас.

— Зачем? — резко спросил Барда.

— Когда я впервые вас увидел — в магазине у Тома, — что-то меня заинтересовало. Однако я торопился и не мог выяснить, кто вы. С тех пор где бы я ни был, везде меня настигали слухи о трех путниках — мужчине, мальчике и черноволосой девочке с птицей. Говорят, куда бы они ни пошли, колдовство врага разрушается.

Лиф сжал руку Барды. Если слухи о них распространились по всей Тилоаре, то скоро и Повелитель Теней узнает о них!

Жасмин, которая все еще не доверяла Думу, размышляла о чем-то другом.

— Вы позволили им схватить нас, — обвиняющим тоном начала она. — После финала вы не убежали, а спрятались в гостинице, но даже пальцем не пошевелили, чтоб нам помочь!

Дум пожал плечами:

— У меня не было выбора. Я хотел выяснить, как работает западня. Мы планировали, что Глока провозгласят чемпионом, а потом я прослежу за его дальнейшей судьбой. Но он выпил дурманный напиток, предназначенный тебе, девочка, и, вместо того чтобы проиграть ему, мне пришлось притвориться, будто я проиграл тебе.

Жасмин встала на ноги.

— Вы очень хорошо притворились, — холодно заметила она. — Я могла бы поклясться, что вы и в самом деле проиграли. Может быть, я ошибаюсь, но разве вы не ударились головой и не потеряли сознание?

На суровом лице Дума промелькнула усмешка.

— Теперь этого уже никогда не узнаешь, правда?

— А если бы Стражи схватили Глока, вы бы стали его спасать? — поинтересовался Лиф.

Улыбка исчезла с губ Дума.

— Вы задаете слишком много вопросов. Ясно одно: мне придется выручать его, потому что он и Нерида завтра повторят вашу судьбу, а я не смогу избавить ее одну.

Он вперил тяжелый взор в завесу дождя и, помолчав, снова обратился к друзьям:

— Неподалеку ждет отряд. Среди них Дейн — мальчик, который подносил нам сидр на Играх. Он отведет вас в горы, где мы разбили лагерь. Там вы будете в безопасности.

Барда, Лиф и Жасмин переглянулись.

— Мы вам благодарны, и я надеюсь, что вы поймете нас правильно, — наконец произнес Барда. — Боюсь, мы не можем принять ваше любезное приглашение. Мы должны продолжить путь. Нам нужно... нам нужно закончить одно важное дело.

Дум нахмурился.

— Тем не менее вам придется его отложить. Я не мог рисковать, убивая Стражей. Вытащить из телеги, под которой они спали, ваши вещи и оружие уже было достаточно опасно.

— У них наше золото, — вздохнул Лиф.

— Да, я видел, как они забрали его. Но их хозяина интересуют совсем не деньги. Ему нужны вы. Когда Стражи проснутся, то начнут неустанно искать вас, пока не найдут.

— Тогда тем более нам не следует идти в ваш лагерь, они ведь могут нас выследить, — возразил Барда.

Он пристегнул к поясу меч, взвалил на спину вещевой мешок и двинулся к выходу из пещеры. Дум остановил его, положив руку на плечо.

— Нас много, и мы не боимся Стражей. Присоединяйтесь к нам. Что может быть важнее нашей цели? Что за таинственное дело, которое не терпит отлагательства?

Барда молча убрал тяжелую руку со своего плеча и пошел дальше. Жасмин и Лиф последовали за ним. Дождь все еще шел, небо было черным и безлунным.

Дум возник у них за спиной, словно тень.

— Что ж, идите своим путем, — холодно сказал он. — Только никому не говорите того, что услышали от меня сегодня ночью, иначе пожалеете, что не попали в страну Теней.

С этими словами Дум исчез в мокрых кустах.

— Как он смеет пугать нас? — возмутилась Жасмин.

— Он зол. — У Лифа болела голова, он весь продрог и сожалел, что они расстались с Думом так плохо. — Наверное, он мало кому доверяет. И тем не менее нам он открылся. И теперь раскаивается в этом, потому что мы не были откровенны с ним.

Барда кивнул.

— Мне тоже жаль, что все так вышло. Он был бы полезным союзником. Но мы не можем рисковать. Шпионы есть повсюду, возможно, даже в его отряде. Позже, если у нас все получится...

Кри нетерпеливо каркнул.

— У нас вообще ничего не получится, если мы не поторопимся, — сказала Жасмин. — Уже светает.

— Но куда нам идти? — Лиф посмотрел на небо. — Мы не знаем, где находимся, и звезд нет.

— Ты забыл про Кри, — улыбнулась Жасмин. — Он всю дорогу летел за нами.

Они пошли за вороном. Вскоре друзья наткнулись на ручеек, который разлился из-за дождя. Путники спрыгнули в него и долго шли по его руслу, надеясь, что вода помешает Стражам учуять их следы.

Все ужасно устали и мечтали об отдыхе. Тела ныли от ушибов. Но мысль о том, что за ними гонятся Серые Стражи, заставляла идти вперед.

Поднялось солнце, но его лучи не могли пробиться сквозь тучи. Друзья вышли к дороге, изрытой колесами повозок. Вдоль обочины тянулась деревянная ограда, а за ней — каменистая местность, заканчивающаяся грядой серых холмов на горизонте. Кри сел на столб и нетерпеливо захлопал крыльями.

— Если мы будем передвигаться по ограде, то, по крайней мере, не оставим следов, — сказала Жасмин.

Собравшись с силами, друзья перепрыгнули через дорогу и влезли на забор. Жасмин, балансируя, пошла поверху, а Лиф и Барда неуклюже передвигались боком, ставя ноги на нижнюю перекладину.

Они добрались до угла, откуда забор тянулся до самых холмов. На углу стоял большой, размером с Лифа, камень. На нем была какая-то надпись, но от времени многие буквы стерлись.

— Зыбучие пески. Опасно! — прищурившись, прочитал Барда. — Что написано

мелкими буквами, мне не разобрать. Ветер и непогода уничтожили слишком много букв.

— По-моему, первое слово — «смерть», — тихо сказал Лиф. Он оторвал руку от забора и начал нащупывать буквы кончиками пальцев.

Смерть за каменной стеной,
Где все подчинено одной
Безумной воле...

— Дальше! — подогнала его Жасмин, когда он замолчал.

Лиф покачал головой.

— Последние две строки пострадали больше. Похоже, что-то вроде: «и иной» — дальше непонятное слово — «услышит», что ли? — «мертвых», дальше стерлось, дальше «вой». Бессмыслица.

— Мы разобрали достаточно, чтобы понять: Зыбучие пески — не очень приятное место, — прервал его Барда. — Но это мы знали и раньше.

Жасмин заботили более насущные проблемы.

— Раз здесь говорится о каменной стене, то, наверное, пески за теми холмами. Чтобы до них дойти, нужно пересечь равнину. На камнях будет не видно наших следов, но как скрыть запах?

— Тут ничего не поделаешь. — Лиф перелез через забор и спрыгнул на камни. — К тому же Серые Стражи наверняка уже давно потеряли наш след.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — пробормотал Барда, однако последовал за Лифом.

Жасмин тоже спрыгнула на землю, и все трое почти бегом тронулись в путь, поминутно оглядываясь. От одной мысли о бесшумно крадущихся за ними Стражах, о смертоносных «пузырях» по спине ползли мурашки.

Солнце поднялось над пеленой облаков и начало пригревать. От влажной земли стал подниматься пар, серые холмы быстро окутались дымкой, поэтому только вблизи путники поняли, что это не просто холмы, а гора огромных валунов, которые образовывали ту самую «каменную стену», о которой говорилось в стихе.

Друзья начали карабкаться вверх и вскоре уже не видели земли внизу. Все вокруг стало белым. Воздух казался плотным, все звуки — приглушенными. Очень осторожно, шаг за шагом, они поднялись на гребень и начали спускаться с другой стороны.

Как только их ноги коснулись последних камней, друзья слышали странный звук — низкое гудение, такое тихое, что Лифу сначала показалось, будто это ему мерещится.

Он медленно отвернулся от каменной стены. И тут у него перехватило дыхание. На лбу выступил холодный пот.

Перед ними простирались бескрайние Зыбучие пески.

13

Зыбучие пески

Песок. Ничего, кроме глубокого сухого песка. До самого горизонта тянулись большие красные дюны, над которыми нависало низкое, застланное грязно-желтыми облаками небо. Насколько хватало глаз, не было никаких признаков живых существ, кроме гулко-жужжания, которое, казалось, было разлито в воздухе.

Лиф соскользнул с последнего валуна, и его ноги погрузились в мягкий песок. В тот же миг его пронзило острое чувство ужаса.

«Я уже был здесь».

Это то самое место, которое показал ему опал на равнине Крыс. Страх, который преследовал его в ночных кошмарах, скоро станет реальностью. Но когда? Через час? Через неделю?

Голос Жасмин прервал его мысли:

— Это невозможно! Если камень спрятан здесь, нам никогда не найти его.

— Пояс нагреется, когда почувствует его близость, — напомнил ей Барда. По его лицу было видно, что задача оказалась труднее, чем он предполагал, но он не хотел признать этого. — Разделим всю пустыню на участки и будем прочесывать их один за другим.

— На это уйдут месяцы, если не годы! — возразила Жасмин.

— Нет. — Лиф старался, чтобы его голос звучал твердо. — У этого камня, как и у всех остальных, есть свой ужасный хранитель, — сказал он, вглядываясь в бесконечные дюны. — И он уже знает о нашем присутствии. Я это чувствую.

«Или чувствует Пояс? — подумал он, медленно, словно во сне, передвигая ноги. — Пояс знает, что рядом опасность?»

Лиф не решался положить руку на Пояс Тилоары. Он боялся, что если коснется опала и снова увидит будущее, то развернется и бросится бежать.

Мальчик закрыл глаза, чтобы не видеть голого песка и слабо мерцающего неба. Но и под веками у него стоял тот же красный песок. Голодная, злобная воля, которая правила этим местом, притягивала его к себе все сильнее.

Он начал подниматься на первую дюну. Ноги глубоко утопали в покрытом рябью песке. Каждый шаг давался с усилием.

— Лиф! — крикнула Жасмин. Ее голос ворвался в его сон, и Лиф открыл глаза, но не остановился.

— Надо идти вперед! — крикнул он, не оборачиваясь. — Хранитель уже близко. Нам не придется его искать. Он сам найдет нас.

Очень быстро друзья оказались окружены дюнами. Каменной стены было уже не видно. Но след на песке оставался очень четким, так что они не боялись заблудиться.

Дюны были не такими уж безжизненными, как им думалось вначале. С песка поднимались красные мухи и садились на лицо, на руки и шею, кусали и жалили. Из невидимых норок выползали алые ящерицы с длинными синими языками и ловили мух.

— А кто, интересно, охотится на ящериц? — спросила Жасмин и вытащила свой кинжал.

Вдруг они заметили странный предмет на песке. Он был круглый, словно бы кожаный, сморщенный и плоский — как пустая сумка или огромная расплюснутая виноградина.

— Это что, какой-то плод? — озадаченно спросил Барда.

— Я такого плода в жизни не видела, — ответила Жасмин.

Филли испуганно пискнул у нее на плече, Кри тревожно каркнул.

У Лифа покалывало кожу. Его не оставляло чувство, что за ними следят. Но никого не было видно, кроме мух и ящериц. Не раздавалось ни единого звука, кроме низкого негромкого гудения. Лиф решил считать, что это ветер свистит между дюнами, хотя воздух был неподвижен и песок не шевелился.

Они как раз спустились с одной дюны и собирались подняться на следующую, как вдруг Жасмин, которая шла впереди, остановилась и предостерегающе подняла руку.

Барда и Лиф замерли. Сначала они ничего не слышали. Потом раздался голос, который становился все громче, — Карн Второй!

Похолодев, Лиф обернулся. Глубокие следы вели к ним лучше всяких указателей. Спрятаться негде. Спасения нет.

Гул стал немного сильнее, словно ветер разозлился еще больше, почувствовав их страх. И тут Лиф вспомнил один трюк, который он проделывал в Тиле. Когда-то ему удавалось провести Стражей!

Жестом показав Жасмин и Барде следовать его примеру, он начал пятиться, наступая в собственные следы. Добравшись таким образом до вершины дюны, он спрыгнул с нее как можно дальше в сторону и неподвижно лег в тени.

Друзья в точности повторили его движения. Прижавшись друг к другу, они накрылись плащом Лифа.

Так они ждали, неподвижные, словно камни. Показались Стражи, с трудом передвигающие ноги в тяжелых сапогах. Они брели по следам беглецов. И вдруг остановились, потому что следы оборвались.

— Их забрали! — прорычал Карн Второй. — Я же говорил! Незачем было идти за ними в Зыбучие пески! Теперь мы в опасности, потому что...

— Замолчи! — огрызнулся Карн Восьмой. — Ты что, не понимаешь? Чемпион и двое финалистов сбежали. Наши жизни не стоят и ломаного гроша, если мы не найдем их! Может быть, их и не забрали. Они могли зарыться в песок. Копай!

С этими словами он начал обеими руками рыть песок. Карн Второй, ворча, сел на корточки и последовал его примеру.

Вдруг песок просел под ними, с ужасающей скоростью из него выскочило огромное уродливое существо и схватило обоих Стражей.

Те издавали ужасные хриплые крики. Окаменев от страха, не веря своим глазам, Лиф, Барда и Жасмин съежились под маскирующим плащом. Чудовище идеально пряталось в песке. Оно выжидало. Еще один шаг — и его добычей оказались бы не Стражи, а они сами.

Лиф не отрываясь смотрел на монстра. У него было восемь ног и маленькая головка со множеством зеркальных глаз. С туши свешивались десятки круглых кожистых пузырей, как тот, который друзья видели по дороге. С суставов и изгибов тела все еще струился песок. Существо без всяких чувств рассматривало свою добычу, а Стражи отчаянно боролись за жизнь, пытаясь вырваться из цепких лап. Потом чудовище разинуло пасть... и вдруг крики и сопротивление прекратились.

Это случилось за секунду. Преодолевая тошноту, Лиф, Барда и Жасмин неподвижно глядели на монстра.

При помощи клешней чудовище очень аккуратно срезало со Стражей одежду и доспехи, словно птица, освобождающая от панциря слизняка. Их одежду, сапоги, сумки, медаль Жасмин, кошельки, биты, фляги с водой медленно затягивал песок. Потом монстр уселся на землю и со смаком принялся за еду. Сотни мух и ящериц сновали вокруг него, жадно ловя огрызки, выпадающие из его челюстей.

Лиф спрятал лицо в ладонях. Он не любил Стражей, но не мог на это смотреть.

Низкие желтые облака совершенно скрывали солнце, и Лиф потерял счет времени. Ему казалось, что уже несколько часов они лежали под плащом, пока чудовище пировало. Пузыри, свисающие с его тела, раздулись и походили на гигантские виноградины.

— Это его желудки! — с отвращением прошептал Барда.

Лифа передернуло. Даже Жасмин, привычная к разным неприятным тварям, поморщилась.

Наконец монстр поднялся. Мухи и ящерицы бросились врассыпную. Один из раздувшихся желудков, который был больше остальных, оторвался от его тела и покатился по песку. Чудище неторопливо подошло к нему и уселось сверху.

— Что оно делает? — не выдержал Лиф.

— Думаю, оно проколет желудок и отложит туда яйцо, — шепотом ответила Жасмин. — Так у зародыша будет еда, пока он растет.

Барда отвернулся.

Песчаный монстр покончил с кладкой яиц и, лениво перебирая восемью лапами, пошел через разрушенную дюну, в которой он прятался, к другой и вскоре скрылся за гребнем. Друзья на всякий случай подождали еще немного и поднялись на затекшие ноги.

Без колебаний Жасмин поспешила туда, где ящерицы и мухи все еще ползали по обглоданным костям и забрызганным кровью лохмотьям. Отгоняя падальщиков кинжалом, она начала выбирать и откладывать то, что могло пригодиться: пращи и «пузыри», биты, фляги с водой, кошельки. Потом девочка подняла голову и озадачено посмотрела на друзей.

— Кошельки лопнули, и монеты выпали. Но их тут нет! И моей медали тоже!..

— Этого не может быть! — Барда подошел к ней и тоже начал искать.

Лиф медленно последовал за ним. Его внимание было приковано к участку совершенно ровного, без ряби песка рядом с местом пиршества чудовища. От того, что он там увидел, у

него по коже поползли мурашки.

— Из-за монстра нам было не видно, что тут происходит, — настаивала Жасмин. — Пока он ел, кто-то незаметно подполз и забрал...

— Это невозможно! — Барда начинал терять терпение от безрезультатных поисков.

— Смотрите! — Голос Лифа даже ему самому показался сдавленным.

Ровную поверхность песка покрывали странные круглые отметины. Раньше их здесь не было.

14

Страх

— Никогда не видела таких следов, — внимательно всмотревшись, сказала Жасмин. — Какое существо могло их оставить?

— Этого мы не знаем, — просто ответил Лиф. — Понятно одно: оно не боится монстра и любит золото. Может, и камни тоже. Вероятно, это и есть хранитель.

— Но ведь хранитель — это песчаное чудовище! — возразил Барда.

Жасмин покачала головой.

— Думаю, оно — лишь одна из многих тварей, живущих в песке. Мы только что наблюдали, как оно отложило яйцо. И даже видели пустой желудок, откуда уже кто-то вылутился. Таких существ здесь могут быть сотни, тысячи!

Барда тихо пробормотал проклятие.

Низкое гудение вибрировало в ушах Лифа. Он пристально смотрел на круги на песке. Они как будто дразнили его. Мальчик хотел отвести глаза, но его взор неизменно возвращался к странным отметинам. Он заставил себя смотреть на небо, но это не принесло облегчения. Даже небо давило на него. Внутри поднимался страх, роился, словно мухи, жалил его...

Вдруг Лиф с криком упал на колени и начал уничтожать круги, топча их, зарывая руки в мягкий песок.

— Лиф! Перестань! — закричал Барда.

Но тот ничего не слышал. С глухим рычанием он бросался на песок и бил его кулаками. Барда и Жасмин кинулись к нему и попытались поднять на ноги, но Лиф отчаянно отбивался.

Послышался странный звук. Земля задрожала. Барда и Жасмин вскрикнули. Лиф успел схватить их за руки, и в тот же миг вокруг них начали вздыматься столбы песка.

Не в силах устоять на ногах, все трое беспомощно, слепо пытались отползти из эпицентра бушующего песка. Жасмин позвала Кри, и тот каркнул в ответ.

Под землей кто-то есть!

Лиф знал это. Он ничего не видел, потому что плотно закрыл глаза от жалящего песка,

но чувствовал чье-то злобное присутствие.

Оно хочет Пояс. И не успокоится, пока не получит его...

Вдруг все кончилось. Буря утихла, песок был неподвижен, как раньше. Лиф лежал, словно мертвый, тяжело дыша и борясь с головокружением. Песчинки, как дождь, падали на него.

Кри опустился на руку Жасмин. Буря не нанесла ему вреда, только покрыла слоем красной пыли. Он начал отряхиваться и чистить перья. Филли пищал у Жасмин под курткой. Она что-то тихонько нашептывала ему.

Лиф провел дрожащими руками по лицу.

— Землетрясение, — сказал Барда. — Вот почему это место называется Зыбучие пески.

— Это не просто землетрясение, — возразила Жасмин. — Не случайно оно началось именно тогда, когда Лиф бил по этим кругам. Лиф, зачем ты это делал? Что с тобой? Ты заболел?

Тот не мог ответить. Он безумным взором смотрел вокруг.

Все изменилось. Старые дюны исчезли и появились новые, другой формы и в других местах. Там, где высились красные гребни, теперь простирались равнины. Все следы пропали. И разрушенная дюна, откуда выползло чудовище, и место его пиршества — ничего больше не было.

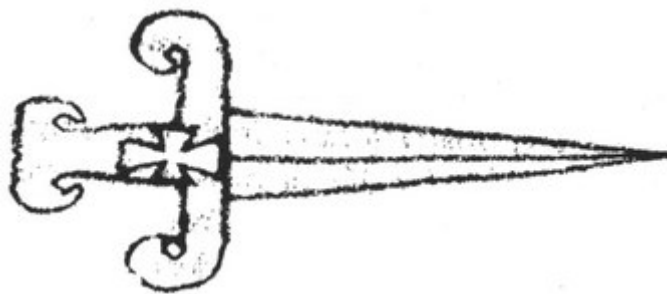
Только низкое гудение осталось неизменным.

— Лиф не отвечает! — Голос Жасмин звучал очень взволнованно, но показался Лифу каким-то далеким.

Солнце было по-прежнему окутано желтыми облаками. Мальчик не знал, где восток, где запад... И теперь он не мог с уверенностью сказать, с какой стороны они пришли.

«Пророчество начинает сбываться», — подумал Лиф.

Его слезящиеся глаза заметили на песке новый отпечаток. У него перехватило дыхание, когда он понял его значение.

Барда взял его под мышки, поднял на ноги и встряхнул. Лиф облизал пересохшие губы и хрипло выдал из себя:

— Не волнуйтесь. Со мной все хорошо.

— Непохоже, — проворчал Барда. — Ты вел себя, словно потерял рассудок!

— Это Жасмин кое-что потеряла, — отшутился Лиф. — Кинжал с кристаллом на эфесе.

— Ты его нашел? Как хорошо! Я уронила его перед самым прекращением бури. Он принадлежал моему отцу. Я уж думала, что больше его не увижу.

— Боюсь, так и есть. — Лиф указал на отпечаток на песке.

Жасмин и Барда молча открыли рты.

— Существо, чей гнев породил бурю, забрало кинжал в качестве дани и пока оставило нас в покое, — сказал Лиф.

— Круги на песке! Это не следы, а отпечатки монет и медалей! — Барда заскрежетал зубами. — Что это за тварь? Почему она оставляет изображения того, что забрала?

Лиф пожал плечами.

— Почему скульпторы высекают предметы из камня, или торговцы выставляют свой товар на витрине, или дураки пишут свои имена на деревьях и стенах? Желая показать, что они любят или чем владеют. Чтобы оставить послание для всех прохожих.

Жасмин смотрела на друга с тревогой.

— Ты очень странно говоришь. Мне это не нравится. Ты как будто знаешь это существо.

Лиф покачал головой.

— Это больше, чем знание.

У него в голове постоянно крутился стишок, который они прочли на камне у забора:

Смерть за каменной стеной,
Где все подчинено одной
Безумной воле. И иной...
Услышит мертвых... вой.

Лиф знал, что последние две строчки должны звучать не так, но два слова он разобрал совершенно точно:

«*Безумная воля* », и еще, пожалуй, «*мертвых* ».

Существо с безумной волей правило Зыбучими песками и присваивало себе все ценное. Песчаные твари, обитающие здесь, поедают плоть несчастных путников, а хранитель забирает все то, что они несут с собой.

В первый раз после того, как его ноги погрузились в красный песок, Лиф прикоснулся к Поясу, чтобы проверить, надежно ли застегнута пряжка. Его пальцы коснулись топаза, и в тот же миг его разум прояснился.

Словно пыльная занавеска упала с окна, и в комнату хлынул солнечный свет и свежий воздух. Но Лиф знал, что вспышка осознанности не продлится долго. Здесь действовала другая сила, древняя и могучая.

Он обернулся к Барде:

— Нужно идти. Скоро солнце начнет клониться к закату, а до камня еще далеко — Пояс не нагрелся. Обвяжи, пожалуйста, нас веревкой, очень крепко, чтобы никто не мог потеряться. Я должен быть посередине.

Барда выполнил его просьбу. Веревка, которую они взяли у матушки Брайтли, была тонкой, но прочной. Лиф проверил все узлы и кивнул.

— Не отвязывайте меня, что бы я ни сказал, — предупредил он.

Друзья кивнули, не задавая вопросов.

Они выпили немного воды и двинулись в путь. Начинало темнеть.

Ночь не подарила путникам ни луны, ни звезд. В небе висела черная туча, и было очень холодно. Они зажгли факел, но он давал совсем мало света. Друзья вздрагивали от каждой тени. Уже давно Барда и Жасмин хотели сделать привал, но Лиф заставлял их идти вперед.

В конце концов они отказались его слушаться.

— Больше так нельзя, Лиф! — твердо сказал Барда. — Мы должны поесть и отдохнуть.

Лиф, качаясь от усталости, упрямо покачал головой. Он хотел только одного — лечь, но знал, что если уснет, то случится беда.

Однако Жасмин уже отвязала свой конец веревки, села на песок и начала что-то искать в сумке. Потом она сделала в песке небольшое углубление и бросила туда биты Серых Стражей.

— Вот самое лучшее для них применение, — провозгласила она, поджигая тяжелую древесину и добавив немного горючих пастилок матушки Брайтли. — Сейчас у нас будет отличный веселый костер.

Девочка нетерпеливо кивнула Лифу, и тот, не в силах больше сопротивляться усталости, рухнул рядом с ней. Барда тоже подошел к огню. Видя, что Лиф лежит неподвижно, он облегченно вздохнул, отвязал веревку и растянулся на песке.

Костер разгорался. От него поднимался жар. Барда протянул руки к огню.

— Замечательно! — удовлетворенно вздохнул он.

Это последнее, что Лиф слышал. Раздался оглушительный рев, земля вздыбилась, и мир взорвался.

15 Середина

Лиф был один среди бесконечных дюн. Он знал, что ночь прошла. Слабый солнечный свет пробивался через желтую завесу. Песок под ногами был теплым.

Настал день. Ужасное видение стало явью. В глубине души Лиф всегда знал, что это неизбежно.

Он помнил, как под ним поднялся песок, подбросив его в черный воздух. Жасмин и Барда звали его по имени. Горящие биты взмыли ввысь, угасая в падении.

И это все. Теперь на безбрежной ребристой поверхности виднелись только его одинокие следы. На поясе болталась ненужная веревка, два свободных конца волочились по земле. Гудение стало громче, оно проникало через уши в самую глубину мозга.

Он что-то сжимал в руке. Лиф заставил пальцы разжаться.

Раскрашенная деревянная птичка, которую Жасмин сунула в карман еще в Ритмере. Должно быть, он нашел ее и подобрал...

Лиф бездумно запихнул игрушку в нагрудный карман. Ноги болели. В горле застряла сухая песчаная корка. Глаза жгло, он почти ничего не видел. Наверное, он шел много часов, но не помнил об этом.

Середина.

Его влекло к Середине. Это Лиф знал точно. Силы покидали мальчика. Но он не мог остановиться, чтобы не заснуть. Потому что сон означает смерть. Это Лиф чувствовал лучше всего.

Он дотащился до следующей дюны и начал карабкаться вверх. Нога провалилась, и Лиф упал. Песок принял его в свои объятия, мягкий, как пуховая перина. Мальчик перекатился на спину и больше не мог пошевелиться.

Спать...

Глаза закрывались.

В Тиле его друзья смеются, возятся в замусоренных канавах, выуживая золотые монеты. Он хочет к ним. Но его зовут родители... Канавы забиты не сором, а жужжащими красными пчелами. Они поднимаются, как разгневанное облако. Пчелы жалят его друзей, Серые Стражи стоят и смеются... Друзья умирают, зовут его на помощь, но он так устал, так устал... Он закрывает глаза и входит в гудящее облако. Руки и ноги такие тяжелые, они тянут его вниз. Мать кричит: «Тихонько, мальчик!», и он оборачивается к ней. Но она превращается в Королеву Пчел. Насекомые заползают ей в волосы, покрывают лицо... Она грозит ему кулаком и пронзительно кричит: «Дым, а не огонь! Дым, а не огонь!»

Лиф открыл глаза. На бледно-желтом небе кружилась размытая черная тень.

Ак-Баба! Беги! Прячься!

Потом Лиф протер глаза и увидел, что это Кри, который зовет его и снижается. Мальчик попытался встать, но так глубоко завяз в песке, что теперь с трудом выбирался из него.

Сколько он проспал? Что, если бы Кри не разбудил его? Песок засосал бы его целиком... Интересно, проснулся бы он хотя бы тогда?

Сон все еще живо стоял у него перед глазами. И вдруг Лиф понял его значение. Стих на камне. Не «иной», а «живой», не «вой», а...

— Лиф! — На гребне дюны показались Барда и Жасмин.

Они быстро скатились по склону. У Лифа на глаза навернулись слезы. Он считал их погибшими. Из последних сил мальчик побрел друзьям навстречу.

Вдруг Жасмин пронзительно вскрикнула и указала ему за спину.

Он обернулся и увидел, что из ближайшей дюны вылезло песчаное чудовище, еще больше, чем то, которое сожрало Стражей. С его туши все еще струился песок. Встретившись глазами со своей будущей жертвой, оно на мгновение остановилось. Сейчас нападет...

Пятясь, Лиф извлек из ножен меч, но вдруг неуклюже упал, запутавшись в концах веревки. Он беспомощно барахтался в песке, выпустив из рук меч. Лифу все же удалось подняться на колени, но было слишком поздно. Барда и Жасмин что-то кричали. Это напоминало ночной кошмар. Монстр качнулся вперед...

И тут он дернулся и издал скрежещущий стон — его настиг «пузырь» и взорвался. Чудовище завертелось на месте, оставляя шипастыми лапами на песке глубокие рытвины. Еще один «пузырь» опалил его шкуру.

Лиф отполз подальше, всхлипывая от облегчения. Запыхавшаяся Жасмин подбежала к нему, распутала веревку и помогла подняться на ноги. За ней примчался Барда, все еще сжимая в руке пращу и держа наготове «пузырь».

Лиф начал было благодарить, но Барда перебил его:

— Я спасаю тебе жизнь не в первый раз и, боюсь, не в последний! Похоже, мне на роду написано быть твоей нянькой!

Глубоко оскорбленный, Лиф молча отвернулся.

Барда взял его за плечи и резко развернул к себе.

— Нечего дуться! Что за игры ты затеял? Почему ты убежал один? Почему не искал нас после землетрясения?

Его трясло от злости. Лиф медленно осознал, что это из-за страха и беспокойства за него. Тот же гнев он иногда видел в глазах родителей, когда возвращался домой слишком поздно, когда подвергался опасности.

— Барда, я не мог... — начал Лиф.

— Сейчас на это нет времени, — резко прервала их Жасмин, не отрывая глаз от чудовища. — Поссоритесь потом. Надо убираться отсюда, и побыстрее. Монстр не умер, он еще может прийти в себя и погнаться за нами.

— Не волнуйся, туда, куда мы идем, он не пойдет, — чуть слышно заверил ее Лиф.

Они шли много часов, но разговаривали мало. Лиф точно прислушивался к чему-то, чего ни Жасмин, ни Барда не могли различить. Чем ближе к Середине, тем подавленнее они становились.

Путники увидели свою цель издалека — одинокая вершина, окруженная дюнами. Она мерцала на фоне желтого неба, чуждая и таинственная в угасающем свете. Величественный конус, увенчанный темнотой.

— Вулкан, — предположил Барда.

Лиф покачал головой.

— Увидишь.

Филли трепетал под курткой хозяйки. Она нашептывала ему что-то успокаивающее, но и ее зеленые глаза потемнели от страха.

Гудение раздавалось все громче. Когда путники подошли к подножию конуса и начали медленно подниматься вверх, весь воздух уже вибрировал от жужжания.

Наконец они добрались до вершины и заглянули в кратер. Глубоко внизу кружился и гудел водоворот красного песка, словно его поднимал сильный ветер.

Но никакого ветра не было. Звук напоминал жужжание миллиардов пчел.

Пояс обжигал Лифу кожу.

— Что это? — Барда тяжело дышал и судорожно сжимал рукоятку меча.

Лиф повторил стих, выгравированный на камне. Теперь он знал последние две строки.

Смерть за каменной стеной,
Где все подчинено одной

Безумной воле. И живой
Под слоем мертвых кормит Рой.

— Рой... — медленно повторила Жасмин.

— Хранитель — это песок, — сказал Лиф.

— Не может быть, — прошептал Барда. — Песок не живой! Мы шли по нему, видели существ, которые в нем живут...

— Дюны, по которым мы ходили, — это только верхний слой, состоящий из давно умерших. Живые трудятся внизу. Служат Рою. Это они собирают упавшие сокровища, оставляют изображения на песке, устраивают бури.

— Камень...

— Камень, который бросили где угодно в песках, рано или поздно окажется в Улье. Поэтому мы здесь.

Лиф оторвал взгляд от Роя и обратился к Жасмин:

— Нам нужен дым. Дым, а не огонь.

Без лишних слов она начала вынимать вещи из сумки. Лиф заметил, что руки у нее дрожали.

Он отдал свой меч Барде и взял у него веревку. Обвязав ее под мышками, Лиф усмехнулся и почти уверенным голосом сказал:

— Барда, боюсь, тебе опять придется поработать моей нянькой. Мне снова нужны твоя помощь, твоя сила и веревка. Только на этот раз, очень тебя прошу, не выпускай ее!

16 Улей

Лиф перелез через край кратера и шагнул в пустоту. Раскачиваясь из стороны в сторону, он посмотрел вверх на встревоженные лица Барды и Жасмин, на их побелевшие от напряжения пальцы, сжимающие веревку.

— Потихоньку! — одними губами скомандовал он.

Те кивнули и начали медленно отпускать веревку. Лиф стал погружаться в жерло Улья.

Мальчик плотно укутался плащом, надел капюшон и оставил только щелочку для глаз.

«Наверно, я похож на огромную личинку в коконе, — подумал он. — Вот только вряд ли на свете найдется личинка, у которой хватит глупости сунуться в улей. Ведь иначе...»

Содрогнувшись, он заставил себя думать о другом.

Вокруг него витал дым смоченного факела, обмотанного влажными тряпками. Он не знал, поможет ли это, но было очевидно, что с оружием здесь делать нечего. Кроме того, слова Королевы Пчел из сна постоянно приходили ему на ум, и наверняка это было для чего-то нужно.

«Мои стражи не любят резких движений, их легко разозлить. Даже мне приходится умирять их дымом, чтобы вынуть мед из улья...»

Странно, что Лиф так хорошо помнил то, что она говорила. Здесь, в гудящем, кружащемся центре Зыбучих песков, его разум прояснился и обострился. Возможно, это потому, что Рой больше не зовет его. Ведь сейчас Лиф находился как раз там, где должен.

Он посмотрел вверх. Лица друзей казались маленькими и с трудом различимыми на фоне тускло мерцающих небес. Внизу его ждала кипящая лава Роя.

Лиф собрался с духом и закрыл глаза. В следующую минуту он почувствовал Рой, словно обжигающий смерч, затягивающий в свой водоворот. Гул был подобен раскатам грома. Его сдавливали, крутили, облепляли живым покрывалом.

Рой слишком силен. Слишком!

Лиф ничего не видел, не мог дышать и уже не знал, где верх, где низ. Он понимал только одно: Рою нет никакого дела до него. Для него он ни еда, ни добыча, ни враг, которого нужно уничтожить. Для него Лиф был просто обладателем той вещи, которую он

страстно хотел заполучить. Рой задушит его, сдерет с него одежду, а потом и мясо с его костей. И получит то, что хотел всегда.

Пояс Тилоары.

Паника сдавила Лифу горло. Он закричал, начал бороться...

«Тихонько, мальчик, тихонько!»

Старческий сварливый голос прозвучал так ясно, словно Королева Пчел была у самого уха. Эти слова брызнули, как холодная вода в лицо.

Крик умер у него в горле. Он открыл глаза, заставил себя успокоиться и дышать ровно.

Потом Лиф осторожно выглянул в щелочку для глаз и увидел, что густой дым от факела наконец начал смешиваться с красным смерчем.

И Рой начал успокаиваться, замедлять движение, редеть. Насекомые улетали в темноту и садились на стены своего Улья. И то, что было раньше скрыто их живой завесой, наконец открылось взору — сияющая пирамида в центре.

Очень медленно Лиф поднял руки и один раз дернул за веревку. Барда и Жасмин поняли сигнал и перестали опускать Лифа. Мальчик повис в воздухе, зачарованно глядя сквозь едкий дым на гору сокровищ — золота, драгоценных камней и выбеленных временем костей, которую за сотни лет собрал живой песок. Все эти вещи не были свалены как попало, а составляли ровные ряды сот.

Лиф говорил себе, что ожидал чего-то подобного, однако реальность превзошла самые смелые догадки.

Все, что не могло сгнить или распадалось так медленно, что нуждалось в замене только через несколько веков, пошло на строительство чудовищной башни. Черепа и кости, бутылки и кувшины, монеты, камни, стеклышки, золотые цепи, кольца и браслеты... Все это составляло одну гигантскую драгоценность.

Пирамида смерти. Сколько человеческих жизней ушло на сооружение башни? И что таится в этих сотах? Скорее всего, потомство Роя. Сначала яйца, потом личинки, которых холят и лелеют, кормят вонючим пюре из разлагающихся красных мух и ящериц, пока черви не превращаются — в кого? Лиф не знал таких насекомых. Может быть, они вообще не насекомые, а какая-то иная форма жизни. Древнее существо, которое прожило, постоянно обновляясь, тысячи лет. Рой.

Лифу до боли хотелось разрушить грозную башню, посмотреть, как она рухнет в темноту, где затаилась Королева Роя — мерзкое раздувшееся тело, извивающееся и выдавливающее из себя все новые яйца.

Но он знал, что если прикоснется к пирамиде, то на него нападет весь Рой и никакой дым их не удержит.

А Пояс горел и дрожал. Где-то в глубине башни хранится камень, который он ищет. Алмаз? Аметист? Изумруд? Лиф видел множество прозрачных, сиреневых и зеленых камней. Который из них тот самый?

Он откинул капюшон и задрал рубашку, чтобы посмотреть на Пояс. Из-за дыма топаз и рубин были почти не видны. Зато опал горел как огонь.

Что это значит? Лиф попытался вспомнить, что написано о магической силе опала в «Волшебном Поясе Тилоары».

* Опал, символ надежды, сияет всеми цветами радуги. Он показывает будущее и помогает тем, кто плохо видит. Опал...

Что дальше? Лиф плотно закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, но это не помогло. Он не помнил продолжения.

Мальчик взглянул на вершину пирамиды. Скорее всего, камень должен быть там, потому что его бросили в Зыбучие пески незадолго до того, как свергли короля Эндона, то есть около шестнадцати лет назад, а башня сооружалась тысячелетиями.

На самой вершине торчал кинжал Жасмин. Это последнее, что забрал песок, поэтому он лежал сверху. Когда-нибудь металл заржавеет и развалится, но камень в рукоятке сохранится. Под кинжалом были золотые монеты, медаль чемпиона Ритмерских Игр и белые кости.

Лиф содрогнулся. На костях не осталось ни клочка плоти, но он знал, что это останки Карна Второго и Карна Восьмого, Серых Стражей. Рой работает быстро.

Вдруг мальчик осознал, что видит пирамиду лучше, чем раньше. Ему больше не мешает дым. Факел начал гаснуть. У Лифа засосало под ложечкой. Долго ли Рой будет бояться дыма и держаться у стен? Когда факел потухнет...

Лиф всматривался в кости, браслеты, камни, череп лошади, а под ним...

Его сердце замерло. Под ним лежал камень цвета звездной ночи.

В голове мгновенно вспыхнули забытые слова из «Пояса Тилоары»:

...Опал имеет особую связь с лазуритом, небесным камнем, могучим талисманом.

Лазурит! Он был встроен в ячейку, в которой пока не было личинки. Четвертый камень Пояса Тилоары.

Лиф потянулся к нему, но отдернул руку. Если вынуть камень, то упадет все то, что лежит сверху. И тогда Рой нападет на него. Смерть наступит раньше, чем он успеет донести лазурит до поверхности, и тогда и камень, и весь Пояс навсегда останутся в Улье.

Ему пришла в голову идея заменить лазурит чем-нибудь другим. Чем-то такого же размера. Он отчаянно начал копать в карманах, хотя помнил, что у него ничего нет.

Вдруг пальцы нащупали что-то в верхнем кармане рубашки. Что-то маленькое, твердое, странной формы.

Деревянная птичка Жасмин! Как раз подходящего размера.

Рой жужжал с нарастающим недоверием. Дым почти иссяк, и насекомые просыпались. Задержав дыхание, Лиф потянулся к лазуриту. В другой руке он держал игрушку.

Мальчик вынул лазурит. Он был теплым и поддался легче, чем Лиф ожидал. Камень словно сам хотел освободиться. «Опал зовет его», — подумал Лиф, чувствуя ответное тепло Пояса.

Убрав руку, он тут же сунул на место камня деревянную птичку. Однако недостаточно быстро. Вершина пирамиды зашаталась. Гудение насекомых стало злее, громче. На него ринулось красное облако. Лиф почувствовал на коже его обжигающее прикосновение и еле сдержал крик боли.

«Тихонько, мальчик, тихонько...»

Пот заливал ему глаза. Скрежеща зубами от боли, Лиф вытянул руку и дважды дернул за веревку. Пирамида качалась. Если она упадет...

На вершине колебался кинжал Жасмин. Сунув под мышку угасающий факел, Лиф схватил кинжал.

Убийственно медленно его тянули вверх. Рой пока не знал, что его обокрали. Слабый дым все еще действовал. Наконец Лиф выбрался на свежий воздух.

Как только он встал и протянул руку с камнем Барде и Жасмин и разжал кулак, желтые облака, затягивающие небо, разорвались, как ветхая тряпка. Луна и звезды осветили землю, а лазурит ответил им радостным сиянием, словно маленькое зеркальце.

Он занял свое место на Поясе, ожив в лунных лучах.

— Мне пришлось оставить там твою птичку, Жасмин. Зато я принес тебе вот это, — с этими словами Лиф протянул ей кинжал. Она молча взяла его и спрятала под курткой. — Лазурит — это талисман. Теперь с нами ничего не случится, но надо скорее убираться отсюда.

Когда они спустились с горы, Лиф помазал укусы Роя целебной мазью Жасмин. Боль немного утихла, теперь он, похоже, вынесет долгий путь по пустыне.

Звезды указывали им дорогу.

Лазурит защищал от опасности. Но только когда друзья перелезли через каменные гряды, окружающие холмы, и уселись на твердую землю, Лиф смог рассказать обо всем, что видел в Улье.

— Теперь у нас есть четвертый камень! — бодро сказала Жасмин. — Осталось раздобыть еще три, и уж точно это будет гораздо проще, чем сейчас.

Лиф молчал. Не сразу друзья догадались, что он спит.

— Будет проще, чем сейчас! — упрямо повторила Жасмин, обращаясь к Барде.

Тот вглядывался в утомленное лицо мальчика. Как же он повзрослел! Сколько испытаний прошел! И сколько еще предстоит...

Жасмин не любила, когда на нее не обращают внимания. Она потянула Барду за рукав.

— Ты не согласен?

Барда не носил Пояс, и опал не мог показать ему будущее, но мрачная тень пробежала по его лицу, когда он ответил:

— Посмотрим, Жасмин. Посмотрим...

Глоссарий

Адин — кузнец, объединивший семь народов, первый король Тилоары, создатель волшебного Пояса Тилоары.

Адина — дочь Элстреды, королева Тилоары, надевала Пояс всего пять раз.

Ак-Бабы — огромные птицы, питающиеся падалью и живущие тысячу лет. Служат Повелителю Теней.

Альтон — король Тилоары, отец Эндона.

Анна — жена Джарреда, мать Лифа, внучка Криана.

Арена Теней — место в стране Теней, где проводятся гладиаторские бои.

Барда — сын Мин, бывший дворцовый страж, боевой друг Лифа.

Берди — вымышленное имя Жасмин на Ритмерских Играх.

Берри — вымышленное имя Барды на Ритмерских Играх.

Бики — умерший голубь Фердинанда.

Брандон — сын *Адины*, надевал Пояс три раза, первый король, который переехал жить из кузницы за высокие дворцовые стены.

Брианна — победительница прошлогодних Ритмерских Игр, представительница

города Лиса.

Волшебный Пояс Тилоары — принадлежит королю и оберегает Тилоару, украшен семью волшебными камнями: топаз, аметист, алмаз, изумруд, лазурит, рубин, опал.

Враал — чудище, выступающее на Арене Теней.

Глок — финалист Ритмерских Игр.

Гнездо — жилище Жасмин на вершине дерева в лесу Безмолвия.

Горл — рыцарь, стерегущий Лилии Жизни в лесу Безмолвия. Волшебный топаз украшает рукоятку его меча.

Дейн — ученик Дума, член Сопротивления.

Джарред — друг Эндона, отец Лифа.

Джин, Джод (они же *Нижд, Дожд*) — дети Тэган, заманивают путников чарами и съедают их.

Джоанна — финалистка Ритмерских Игр.

Д'Ор — земля, захваченная колдуньей Тэган.

Дорога на Уэн Тил — кратчайший путь к лесу Безмолвия.

Дум — финалист Ритмерских Игр, предводитель Сопротивления.

Дыра — запретное место, ведет из города Неткриз во внешний мир. Опасна, потому как поросла ядовитым мхом.

Жасмин — девушка-сирота из леса Безмолвия, боевая подруга Лифа.

Желтоглазый великан — охраняет мост во владениях колдуньи Тэган. Задает спутникам загадки и, если они неправильно отвечают, убивает их ятаганом. На самом деле — заколдованная колдуньей птица.

Занзи — пятнушка, которую Жасмин купила у Тома.

Зеснеткриз (Неткриз) — город, где живут жители, сбежавшие из города крыс. Правители города — *Крисловы*, слуги Повелителя Теней.

Зыбучие пески — место, где спрятан лазурит.

Карн Второй и Карн Восьмой — Серые Стражи.

Королева Пчел — старушка, делающая сидр, придающий выносливость и силу.

Кри — ворон, спутник Жасмин.

Криан — кузнец Тилоары времен правления Альтона и Эндона.

Крисловы — девять слуг Повелителя Теней, правят городом Неткриз, заставляют жителей блюсти заповеди псевдочистоты, бдительности и долга.

Лес Безмолвия — три леса, населенные чудищами. Место, где спрятан волшебный топаз. Здесь произошла встреча Лифа и Барды с Жасмин.

Лилии Жизни — растут в лесу Безмолвия, их нектар дарует бессмертие.

Лис — город, пославший на Ритмерские Игры Брианну.

Лиф — главный герой книги, сын Джарреда и Анны.

Манус — ралад, освобожденный от Серых Стражей Лифом и его друзьями и помогающий им в их миссии.

Матушка Брайтли — хозяйка гостиницы для участников Игр. Поставляет чемпионов на Арене Теней.

Мин — нянька Эндона и Джарреда. Нанион — властитель Д'Ора, превращенный Тэган в чудовище Солдена.

Нерида — финалистка Ритмерских Игр.

Нудл — пятнушка, которую Жасмин купила у Тома.

Огненные горошины — при ударе воспламеняются, куплены в лавке Тома.

Озеро Слез — место во владениях Тэган, где спрятан рубин, который охраняет Солден.

Орвен — финалист Ритмерских Игр.

Осовы копи — страшное место во владениях колдуньи Тэган.

Пип — пятнушка, которую Жасмин купила у Тома.

Повелитель Теней — правитель страны Теней, многовековой враг Тилоары.

Поглотитель воды — мелкие кристаллики, купленные в лавке Тома, помогают

осушить реку на один час.

Правила — законы Тилоары, придуманные советниками.

Прандин — коварный советник королей, слуга Повелителя Теней.

Пятнушки — животные размером с лошадь, с длинной шеей, маленькой головой, обвисшими мягкими ушами. Вместо копыт у них два пальца. Пятна на них черные, коричневые и белые. На них возят еду Крисловы.

Ралады — племя строителей, находящееся под гнетом злой колдуньи Тэган и онемевшее под ее чарами.

Раландин — деревня раладов.

Река Широкая — река, на которой стоит город Крыс.

Риих — змей, охраняющий опал в городе Крыс.

Рис — первый из девяти Крисловов.

Ритмер — город, где проводятся Ритмерские Игры.

Серые Стражи — слуги Повелителя Теней.

Сидр Королевы Пчел — чудодейственный напиток, придающий выносливость и силу.

Сопротивление — освободительное движение против власти Повелителя Теней.

Слизкие существа озера Слез — заколдованный народ Д'Ора.

Страна Теней — владения Повелителя Теней.

Твиг — вымышленное имя Лифа на Ритмерских Играх.

Тил — столица Тилоары.

Тилоара — королевство, охраняемое волшебным Поясом Тилоары.

Тира — служанка в Неткризе.

Том — хозяин лавки «Все для путника». В войне против Повелителя Теней держит нейтралитет.

Тэган — злая колдунья, угнетающая Д'Ор.

Уэнбар — огромное уродливое чудовище из леса Безмолвия. Ему подчиняются уэны.

Уэны — бледные красноглазые твари из леса Безмолвия. Их оружие — высокий режущий звук.

Фердинанд — жулик из Ритмера.

Филли — маленький пушистый пучеглазый зверек, спутник Жасмин.

Хищник без имени, живущий в Зыбучих песках — охотится в зыбучих песках. У него восемь ног, голова со множеством зеркальных глазок, десятки желудков.

Холм Мельника — холм на развилке с рекой Широкой.

Хот, Тот, Фай, Флай, Зан, Зод, Пик, Сник, Лук, Лод, Икабод — чудовищные дети колдуньи Тэган.

Шарн — жена Эндона, последняя королева Тилоары.

Элстред — первый король Тилоары, снявший пояс.

Эндон , — сын Альтона, последний король Тилоары.

Этена — властительница Д'Ора, жена Наниона, превращенная Тэган в скалу.